

Прелести жизни
книга первая
мера жизни
том-3

Александр Черевков

18+

Александр Черевков

Мера жизни Том-3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70614787

SelfPub; 2025

Аннотация

Всё имело место в реальной жизни. Многие герои указанных событий по сей день живут среди нас. Мы находимся с ними в одном измерении жизни.

Александр Черевков

Мера жизни Том-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Александр Сергеевич Черевков, сын донского казака и терской казачки старинного рода Выприцких, родился в 1946 году в Старом хуторе станицы Кахановская (Вольная), ставшая к тому времени в Чечне городом Гудермес.

Автор объединил в одно собрание свои произведения разных лет в прозе и в поэзии. В своём собрании литературных произведений, трилогии «Прелести жизни» автор старается в свободной форме общения с читателем показать разные стороны окружающей нас жизни, которую порой не могут разглядеть герои произведений.

Прелесть жизни в том, что мы никогда не можем знать о конце своей жизни. Автор разбил свои литературные произведения на разные по жанру главы книг, которые носят собственные названия «Мера», «Цена» и «Смысл» жизни.

В первой книге охватывается период истории жизни терских казаков с конца 18-го века и до конца 20-го века. В этой книге герои многих событий пытаются определить меру жизни, которая так сильно запутана разными событиями жизни человека.

Порой героям произведений кажется, что эти вполне реальные истории и события жизни происходят рядом с дру-

гими людьми. Герои произведений стараются определить со стороны меру собственной жизни.

Автор произведений помогает читателю своим мышлением проникнуть в гущу тех событий, которые происходили на протяжении двух веков с героями разных истории, а также с потомками реальных героев, которым тоже хотелось определить меру собственной жизни на уровне происходящих событий. Настоящая жизнь настолько стремительна и разнообразна, что мы сами начинаем задумываться не только о мере собственной жизни, но также о цене и смысле жизни людей. Нам хочется узнать о корнях нашей жизни. Истории и события большинства произведений не выдуманы автором.

Всё имело место в реальной жизни. Многие герои указанных событий по сей день живут среди нас. Мы находимся с ними в одном измерении жизни.

По разным уважительным причинам автор изменил некоторые имена и фамилии героев, не выдуманных историй. Однако, ради правдивости, многие герои указанных историй и событий, носят собственные имена и фамилии.

Таким образом, читатель может сам убедиться в реальности большинства прошедших событий, показанных в произведениях автора. Читателю можно пообщаться с героями произведений живьём, через средства массовой информации, а также на местах происшедших событий.

Таким способом, читатель может сам проникнуть не только в историю описанных событий, но также реально окунуть-

ся в происходящие события.

В работе над произведениями трилогии использованы из Интернета географические карты, художественные открытки, а также собственные рисунки и стихи, семейные фотографии и документы из архива автора.

В произведения автора входят некоторые выдержки работ других авторов, на которые автор ссылается в своих книгах

ТОМ-3.

ГЛАВА-1. КАПТАРЫ.

Лучшее, что имеет природа, принадлежит самой природе

Часть-1. Наши приключения.

1. Уроки плавания.

Тогда в нашем далёком детстве в первый день нашего знакомства мы пошли купаться на Каспийское море.

Так как мы приехали в Избербаш после нового года, а до переезда в Новый городок была холодная погода, то для меня было первое в жизни купание в Каспийском море и вообще в море.

Так что осторожно потрогал морскую воду ногой. Вода была ещё холодная. Зачерпнул морскую воду рукой и попробовал её на вкус.

Морская вода была отвратительно горькой и не пригодно

в употребление к питью.

Там более ни понимал, как это можно там купаться в горько солёной морской воде. Ведь можно нахлебаться и утонуть как селёдка. Но мои друзья, ни стали на это обращать внимание.

Прямо с разбега они попрыгали в воду и поплыли на каменную гряду. Это такие камни, которые растут с морского дна и выступают на несколько метров над морской водой.

Оттого, что в море часто бывает сильная буря и морская волна бьётся об эти камни, то камни принимают различный причудливый вид, словно эти камни где-то в совершенно другом измерении жизни.

К таким камням в море даже приближаться страшно. Но мои друзья были отважные пацаны. Они быстро как рыбы поплыли к этим фантастическим камням.

В то время как остался стоять на берегу моря и завидовать своим друзьям, которые плавать в море научились раньше, чем ходить как все по обычной земле.

К моему глубокому сожалению, плавать вообще не умел. Родился возле речки Белка, которая в летнее время так сильно мелела, что взрослому человеку было по колено.

Поэтому там большинство пацанов плавать не могли. Только взрослые терские казаки плавали.

Так как они были терскими казаками, по названию реки Терек, в низовьях которой даже корабли плавали.

Но эту речку видел издалека, когда мы ездили в гости к на-

шим родственникам, живущим на станции Червлённая-Узловая за этой рекой Терек.

– Ты, что там стоишь? Плыви быстрее сюда! – закричали друзья с каменной гряды. – Позагораем!

– Плавать не могу! – честно признался своим друзьям. – Лучше возле берега буду купаться.

Друзья ни стали смеяться надомной, потому что они были настоящие друзья. Они тут же вернулись обратно на берег, чтобы не оставлять меня одного.

Друзья пообещали мне, что за лето они научат меня плавать, ни хуже, чем они сами плавают. Они тут же стали мне показывать все приёмы плавания – стилем, брасом, баттерфляй, даже как собаки.

У друзей плавание так классно получалось, словно они родились рыбами, а не людьми. Вот только плавание у меня совсем никак не получалось. Плавал, как топором на дно и тут же со страха выскакивал на сушу словно курица.

Дни мелькали, как секунды на часах нашей жизни. Мои друзья устали давать мне уроки плавания. Сам тоже отказался от их уроков плавания. С летними школьными каникулами мы все смешались в один цвет загара.

Никто уже не мог нас отличить друг от друга. Только наши мамы каким-то путём выделяли нас среди всей этой одноцветной массы и забирали нас домой, когда на это была какая-то необходимость.

На лето у меня была одна форма одежды, это выгоревшие

на солнце тусы, которые едва не ломались от белых полос морской соли. Так сильно загорел, что по цвету своей кожи стал похож на негра.

В это время в кинотеатрах шёл фильм "Максимка". Про негритёнка мальчишку, которого русские рыбаки выловили в океане возле тонущего корабля.

Максимка своей комплекцией был сильно похож на меня.

Тоже по цвету загорелой кожи был сильно похож на Максимку. Кто-то из друзей заметил это и вскоре меня все стали звать Максимка. Ни отказывался от такого прозвища и охотно откликался на это имя, которое присвоили мне.

Прошел первый месяц моего знакомства с морем, но всё также продолжал бултыхаться на мели. Ни в какую не хотел заплывать на морские гряды, которые были далеко в море. Фактически мог плавать не хуже своих друзей.

Они это заметили и часто говорили, что мне ничего ни стоит плавать до морских гряд. Но у меня был страх большой воды. Когда смотрел в морскую глубину, то мне казалось, что она меня скоро поглотит.

Поэтому плавать над этой прозрачной глубиной Каспийского моря истерически боялся. Плавал только там, где хорошо видно морское дно. Мы часто ходили на рыбалку в пресные заливы, где было много различной рыбы, как морской, так и пресной. Но самая интересная рыбалка была с лодки в открытом море.

Когда море было спокойное, то мы брали лодку у кого-ни-

будь из мальчишек рыбного колхоза "1го Мая" или воровали на ночь лодку у рыбаков. Отправлялись на лодке ловить рыбу в открытое море.

В открытом море на большой глубине ловилось много крупной рыбы, а такие рыбы, как бычки-пескари ловились сами на себя. Поплюёшь хорошо на крючок, поймашь на свою слюну какого-нибудь глупого бычка малыша.

Затем режешь этого бычка на маленькие кусочки, которые насаживаешь на крючок. Не проходит и несколько секунд, как следующий бычок-пескарь уже дёргается на твоём крючке.

В хорошую погоду за день мы ловили столько много рыбы в открытом море, что едва доносили рыбу домой. Море от Нового городка было так близко, что уже за линией железной дороги были песчаные барханы Каспийского моря.

Оставалось только спуститься с песчаных барханов к морю и наслаждаться природой, которая так щедра была к нам в те детские годы, что мы с радостью при каждой встрече вспоминали эти наши дни прекрасного детства.

Особенно море, из которого мы выбирались только для своего сна и пищи. Друзья специально брали меня с собой в лодку на рыбалку в открытое море, чтобы поскорее привык к большой морской глубине.

Конечно, был не протии того, чтобы плавать на лодке в открытое море. Вначале дрожал при виде глубины.

Но после быстро привык и даже не замечал во время ры-

балки, что вы в открытом море.

Рыбная ловля захватывала нас, как фанатов-болельщиков на стадионе во время футбольного матча или какого-нибудь спортивного соревнования. Мы были все во власти рыбной ловли.

Это была не только рыбалка, но также романтика. Мы представляли себя рыбаками-мореплавателями и мечтали когда-то открыть необитаемые острова, хотя бы здесь в замкнутом Каспийском море.

Ведь и здесь, наверно, есть такие потайные места в море, которые ждут, когда их откроют отважные путешественники, такие, как мы? После очередной рыбалки с лодки в открытом море за пятой каменной грядой, мы возвращались где-то под вечер.

Рыбы было так много в лодке, что мы боялись, как бы она не выпрыгнула из лодки обратно в море. Мы постоянно меняли в лодке морскую воду, чтобы рыба была жива до самого нашего дома.

Во время каждого замена морской воды в лодке, рыба как бы чувствовала себя в море и начинала прыгать в лодке. Бывали случаи, что некоторые резвые рыбы ухитрялись выпрыгнуть из лодки.

Тогда мы вскрикивали от сожаления, что, хотя бы на одну рыбу мы принесли меньше, чем рассчитывали. Ведь это тоже было своего рода соревнованием перед другими рыбаками, которые каждый день хвастались, кто поймал в море больше

рыбы, чем другие рыбаки.

Видимо в этот раз мои друзья заранее договорились между собой. Но как-то этого не почувствовал, когда мы возвращались на лодке с рыбалки в море.

Мы уже почти доплыли до пятой гряды, как вдруг, друзья разом схватили меня за руки и ноги.

Раскачали и выбросили в море, а сами тут же налегли на своё весло и быстро отплыли от меня.

Тут же стал барахтаться в воде, как щенок, который боится воды. Так орал по дикому, что друзья от моего крика заткнули свои уши, но спасти меня, ни стали.

Так разозлился на них, что поплыл ни к лодке, а к пятой каменной гряды, которая торчала из морской воды чуть дальше лодки. Друзья стали звать меня обратно в лодку, но уже был уверен, что без них доберусь до пятой каменной гряды, а там рукой подать до берега моря.

Полежу немного на камнях и сам доплыву до берега, это не открытое море. Большой волны за пятой каменной грядой не бывает. Можно легко добраться самому к берегу.

– Ну, ладно! Не хочешь лезть в лодку, так плыви сам до берега. – сказали друзья, поворачивая вдоль пятой гряды к берегу. – Теперь ты не боишься глубины. Хорошо плаваешь. Твою рыбу к тебе домой отнесём.

Друзья поплыли к рыбацкому колхозу "1-го Мая", чтобы отдать хозяевам лодку. Не торопясь, плыл к пятой каменной гряды, которая была почти рядом.

Но у самой пятой гряды у меня, вдруг, свело вначале левую руку, вскоре и левую ногу. Как раненый Чапаев, стал усиленно грести правой рукой и ногой правой барахтаться.

В последних рывках дотянулся до камней и подтянулся в расщелину, откуда не мог сползти в морскую воду. Здесь мог отдохнуть и подождать, пока меня отпустит судорога.

Знал, что такое судорога, но у меня она была впервые. Почему-то в тот раз не испугался? Возможно, что поэтому смог себя спасти? Но не успел ещё как следует отдохнуть и избавиться от судороги с левой стороны, как, вдруг, откуда-то набежали в небе черные тучи.

Погода в море стала штормить. Мне пришлось спешно переползти в более безопасное место в пятой каменной гряде, где меня не могла достать морская волна. Таких мест в пятой каменной гряде было достаточно много со стороны открытого моря.

Это огромные волны за сотни лет сделали такие большие выемки в камнях, что в некоторых выемках во время шторма можно было спрятаться. Во время пасмурной погоды ночь в море наступает также быстро, как в ущелье гор в любую погоду.

Так что плыть от пятой гряды к берегу было бесполезно. Берега совсем не видно. Можно ошибиться и поплыть наискосок. На такое расстояние плавать ещё не был готов.

Поэтому мне легче было переспать на камнях пятой гряды. Время летнее.

Камни за день нагреваются так сильно, что по ним даже ходить днем невозможно босыми ногами.

Обжигают камни подошву ног, как раскалённым железом. Но зато ночью на этих камнях благодать. Мы часто рыбачили в ночную на морских каменных грядах, которые тёплые всю ночь.

Вот и сейчас забрался повыше на камни и пристроился на высохшей морской траве, которую когда-то выбросил сильный шторм на эти камни. Теперь морская трава для меня, как мягкая постель в кровати.

С той лишь разницей, что постель дома не пахнет морем. Здесь же такой прекрасный запах высохшей морской травы, что так бы и спал всё лето. Если бы только родители разрешили мне спать на этой постели.

Шторм был не очень сильный и вскоре пошёл на убыль. Теперь мог не беспокоиться и выспаться хорошо до самого утра. Рано утром приду домой позавтракать, как ни в чём не бывало.

Если мама даже спросит, где был всю ночь, то скажу, что дежурил в нашем штабе на чердаке нашего дома.

Родители давно знают про наш штаб и не возражают, что мы затеяли такую игру на крыше своего дома.

Это лучше, чем где-то далеко от своего дома. Тут всегда мы на виду. Лишь бы ни курили и ни зажигали спички на нашем чердаке. Но мы сразу поклялись, что никогда не будем курить.

На чердаке будем пользоваться фонариками. Тем более что рядом с нами стоял живой пример, как дети пользовались спичками на чердаке. Сгорела половина дома вместе с людьми в середине ночи.

Так и стоит часть обгоревшего дома, как память о том, что нельзя пользоваться спичками на чердаке. Особенно детям, которым вообще нельзя доверять спички.

Проснулся где-то среди ночи. Ни от шторма, который давно стих. Меня разбудил чей-то плач и тихий всплеск воды морской от весел. Открыл глаза. В море был полный штиль.

Ни одной морской волны. Зеркало морской глади отражало звёздную ночь со слабой луной. Не зародившаяся луна, едва заметной золотой полоской серпа, выделялась в звёздном небе. Вокруг такая тишина, что даже слышно где-то чей-то плач.

Откуда тут в море могут плакать. Да ещё в середине ночи. Может быть, это кто-то на пятой гряде?

Осмотрелся вокруг и увидел в море множество лодок, которые медленно плавали и опускали в воду сетки-ловушки, которыми ловят ни только рыбу, но также утопленников.

Видел это однажды, когда утонул один мужчина, купающийся в открытом море. Мне неизвестно, что с ним тогда случилось. Могла судорога его скрутить, как это со мной случилось вечером, хорошо, что рядом была каменная гряда.

Тоже мог бы утонуть. Могло сердце его остановиться. Акул в Каспийском море нет. Даже морские собаки-тюлени

так к людям привыкли, что плавают близко от людей, а некоторые молодые тюлени даже с рук у людей рыбу берут. Как говорят старожилы, что никто не может вспомнить такого случая, чтобы тюлени на людей напали.

– «Вот, интересно! Кто мог утонуть?» – подумал сам. – "Наверно, кто-то по пьянки с лодки свалился?»

Лежал на высохшей морской траве, как в постели между камней и наблюдал за сценой вылавливания утопленника. Но мужчины и женщины в лодках никого не нашли.

Видимо, это подводное течение утянуло куда-то под камни утопленника. Ни дай бог, утопленник всплывёт рядом со мной, так помру со страху. Надо бы покричать этим в лодке, чтобы они меня забрали на берег.

Но как-то неудобно. У людей горе, а тут со своими просьбами. Лучше пускай они по быстрее, уплывают отсюда и не мешают мне тут поспать.

– Так вот он! – вдруг, радостно закричал мужчина, с проплывающей лодки, когда посвятил фонариком в мою сторону. – Какая радость! Мы думали, что ты утонул, а ты жив и здоров. Отдыхаешь!!!

Лодка причалила прямо к пятой каменной гряде и мужчины на руках передали меня в ближайшую лодку. В этой лодке сидели мой отец и моя мама.

Так это, наверно, моя мама плакала, когда меня утопленником считала? Мама мне только пальцем погрозила и прижала к себе. Отец сидел сопел и ничего не говорил.

Но представлял, что будет дома, когда мы с ним окажемся наедине. По мне сегодня ремень трофейный плачет.

– Сергей! С тебя куфт за спасённого сына. – сказал моему отцу, дядя Лёня Морозов, моей мамы младший родной брат из близнецов, Лёня и Саша, дядя Лёня жил напротив нас через двор. – Сашку не смей трогать.

– Хорошо, Лёня! Куфт за мной, – согласился отец. – Но если этот паршивец, что-то выкинет ещё, то ему тогда за всё сразу выплю. Когда только он поумнеет? В этом году он уже в третий класс пойдёт учиться.

От моря до дому все шли толпой. Разговаривали о своих житейских делах. Скоро обо мне совсем забыли. Можно было подумать, что они были в ночной рыбалке на море или отдыхали у кого-то в гостях.

Сейчас идут домой, чтобы утром отправиться на работу. Как быстро все привыкают, что всего час назад они плакали по утопленнику. Сейчас беседуют так, словно ничего не случилось.

Даже на меня никто из них не смотрит. Лишь мама изредка поглядывает в мою сторону и качает головой. Сейчас ни взрослые, а переживаю. Мне жалко мою маму и братьев близнецов.

Если у моей мамы в грудях молоко от волнения прокиснет, то чем тогда она будет кормить маленьких близнецов. Ведь моим братьям двойняшкам всего один месяц.

Когда мы пришли к дому, то мои братья двойняшки так

кричали во всю двойную глотку, что в доме никто не спал. Весь дом проснулся. Может быть, что совсем не спал из-за меня?

Ведь мы в маленьком Новом городке в Избербаше, были как одна семья. Несмотря на то, что в таком маленьком населённом пункте жили больше ста национальностей.

Мы всё равно жили единой семьёй. Все радости и печали мы отмечали вместе. Поэтому, возможно, что все ждали, когда принесут мой труп из морской пучины?

Но остался жив. Мама тут же побежала к своим близнецам давать им свои груди с молоком. Значить молоко у неё в грудях не успело прокиснуть. Малыши тут же стали сосать мамины груди и жалобно всхлипывать, что мама оставила их на время с парализованной на ноги бабушкой Нюсей.

Теперь малыши всхлипывали так, словно жалуется своей маме, что они долго плакали. Были оба голодными. Мама старается близнецов успокоить. Тоже был голоден.

Но давно вырос от материнской груди. Мне нужна взрослая пища. Хотя вёл себя в эти сутки хуже, чем мои младшие братья близнецы, которые только и делают, что кушают, да какают в постель.

Мама только успевает за ними постель меня. Уже весь дом от их грязного белья воняет. Мама постоянно их кормит да стирает, кормит да стирает. Когда только они подрастут? Будут самостоятельно какать.

Хорошо, что на кухне есть газ, который можно зажечь и

устранить неприятный запах от моих братьев.

На кухне есть и продукты, которые мама едва успевает приготавливать на свою семью. Благо, что сейчас лето. Бываю редко дома. Поэтому мало ем. Всё остальное время меня кормит море и фруктовый лес за Избербашем.

Одна только Уллубиевская балка чего стоит. Мы всей оравой, только и делаем, что питаемся, то морскими продуктами, то лесными продуктами. Лишь изредка забегаем домой покушать что-нибудь домашнее.

В нашей коммунальной квартире домашнюю пищу готовит только моя мама. Зейнаб Абдуллазизова, мама Абдулла, Санджа, Зийя, совсем готовить не умеет. Постоянно только шербет и аварскую халву делает.

Это очень вкусные сладости. Но всё равно хочется детям горячее блюдо, например, русский борщ с говядиной или суп лапшу с бараниной. Абдуллазизовы дети постоянно крутятся возле нашего стола.

Моя мама кормит меня и заодно сынов Абдуллазизовых. Куда от них денешься, ведь они тоже дети, как мы с братьями близнецами. Вот и сейчас, только разогрел на газовой плите борщ, как тут же появились Абдулл, Санджа и Зийя.

Не успели проснуться, как следует, уже на кухню лезут. Боятся, что их не покормлю. Но такой, же, ни жадный, как моя мама. Наливаю в их грязные чайки горячего борща.

Абдулл достаёт из своей хлебницы огромный лаваш. Разрывает лаваш на четыре ровных куса. Раздаёт братьям и

мне.

– Хорошо, что ты не утонул! – разжёвывая лаваш, шутит Абдулл. – Иначе бы мы были голодные в это утро.

– Следующий раз обязательно утону, – шучу с ним. – Что-бы вы хоть один день без меня остались голодными.

– Нет! Спасибо! За такую медвежью услугу. – серьёзно, сказал Абдулл. – Лучше при тебе живом буду ходить голодным. Сытый бываю не от пищи, а от дружбы с таким как ты и все наши друзья. Больше мне ничего не надо. Пищи на природе много вокруг нашего города. Так что с голоду, не умру.

– Ты хоть Расскажи. Что тут случилось? – спросил Абдулла, когда мы поели. – Почему паника?

– Мы, когда лодку на место поставили, – стал рассказывать Абдулл, – то посмотрели на пятую грядку. Тебя там нет. Решили, что ты на нас обиделся и ушёл домой один. Ну, мы тоже пошли домой. Когда пришли домой, то сразу твоей маме отдал долю твоей рыбы. Тётя Мария, тут же спросила про тебя. Ну, рассказал, как всё было. Тогда тётя Мария тут же рассказала всё твоему отцу. Дядя Серёжа рассказал моему отцу.

Нам троим, наш отец надрал уши. Через несколько минут весь Новый городок был на ушах. Мужики побежали к морю.

– Действительно чуть не утонул. – сказал ему. – У меня судорога свела всю левую часть тела. Словно раненый Чапаев, грёб правой рукой и барахтался правой ногой. Так добрался до пятой гряды и там уснул на сухой морской траве.

Проснулся только в середине ночи. Когда услышал, что кто-то плавает рядом со мной. После меня случайно нашли светящимся фонариком. Поругали и вытащили на берег. Вот, пожалуй, всё.

В это же утро стал героем дня всего Нового городка. Вокруг меня ходили мои друзья и просто знакомые пацаны. Все только спрашивали, как это ухитрился проплыть целый километр с одной рукой.

Никакой километр с одной рукой не плавал. Всего несколько метров. Это уже мои друзья из меня сделали героя. Почти командира конной дивизии Василия Ивановича Чапаева.

Друзьям хотелось, чтобы на моём фоне они тоже были героями. Вполне, естественно, что тоже приврал малость на пользу друзей. Рассказывал, что вокруг меня был девятибальный шторм, который меня чуть не перебросил через пятую каменную гряду.

Хорошо, что запутался в морской траве. Это смягчило мой удар о камни во время падения на пятую гряду. Меня так и нашли взрослые на пятой гряде завёрнутого в морскую траву.

Они меня только разворачивали из морской травы почти целый час. После меня на руках из лодки в лодку передавали до самого берега. Так как спасал меня не только весь Новый городок, но и весь рыбацкий колхоз "1-го Мая" на своих лодках.

После того, как сильно прославился среди своих ровесников, то мне было стыдно бултыхаться на мели. Вместе с друзьями плавал на каменные гряды в море.

Даже стал нырять под каменные гряды за раками, которые прятались под камнями в своих норах. Мои руки были все в шрамах от укуса щупалец раков и от порезов острыми ракушками, когда выдирал раков из нор.

Гордился своими шрамами, так настоящим ловцом раков считали больше всего того, кто ходил в шрамах на руках. С такими руками не требовалось рассказывать никому, сколько было поймано раков. Шрамы на руках сами говорили за себя, что раков ловил намного больше, чем кто-то другой. Конечно, ловить раков можно было многими способами.

Например, ловушкой на дохлятину. Когда раки сами лезут толпой в ловушку. Можно раков ловить сочком из-под камней. Даже на крючок с кусочком дохлятины можно поймать раков. Мы считали, что это браконьерство.

Тем более что мы раков ловили ни для того, чтобы их кушать, а для того, чтобы съесть у рака икру, которая ярко оранжевыми и ярко красными гроздьями висела под хвостом рака.

Мы объедали икру прямо с живого рака и отпускали его обратно под камни. У нас даже были свои раки, которых мы метили сверху не смывающейся масляной краской.

Икра у рака заново появлялась за неделю. Приходилось обратно нырять под камни и искать там своего рака со све-

жей икрой. Почему-то раки, как кошки или собаки, не покидали своего места жительства под морскими камнями.

Лишь к концу лета, если их самих кто-то ни съел, раки уплывали на зимовку в глубину моря и зарывались там, в песок под камнями. Видимо у раков была зимой спячка, как у чёрного и бурого медведя в лесу.

Стоило пригреть солнышку, как раки спешили обратно под камни ближе к берегу. Вскоре раки обрастали сочной икрой, которую мы спешили опять быстро съесть.

2. Большая вышка.

Наша дружная группа чаще всего обитала на пресных заливах и на пирсе возле маяка. На городской пляж мы редко ходили. Считали, что городской пляж, это для малышей с родителями. Там даже плавать некуда.

Всюду стоят поплавки с красными флажками, за которые даже морским волкам заплывать не разрешается. Мы себя считали морскими волками. Плавали в море, куда нам вздумается.

Так что для нас лучшим местом были пресные заливы с многочисленными грядами камней в море. Тут не было никаких красных флажков. Но иногда нас взрослые заманивали своими шашлыками на городской пляж.

Где можно было поставить мангал с шашлыком и побаловаться напитками с мороженым. В таком случае, наша дружная группа, как косяк рыбы в море, перемещалась с пресного

залива на городской пляж, откуда нас лишь силой под вечер вытаскивали родители домой.

Весь день мы на городском пляже объедались шашлыками и мороженым. Под вечер мы были как откормленные бычки.

Лишь на следующее утро отправлялись обратно к пресным заливам, чтобы там сбросить с себя лишний вес. Опять превратиться в настоящих морских волков.

Когда уже плавал, как рыба в море, то однажды нас обратно заманили на городской пляж. Там, на городском пляже, была одна достопримечательность.

Это вышка, с которой ныряли в морскую воду. На этой вышке были три площадки. Первая площадка пять метров от воды. Вторая площадка десять метров от воды.

Третья площадка пятнадцать метров от воды. С первой площадки ныряли все, кто мог плавать. Со второй площадки ныряли не многие. Но с третьей площадки ныряли только самые смелые, которых знал весь город.

Так как пятнадцать метров, это всё-таки огромная высота. Почти, как из-под купола цирка, где высота от манежа до колосников шестнадцать-восемнадцать метров. Поэтому нырять всем с третьей вышки было очень опасно.

– Поплыли нырять с вышки. – сказали друзья, когда мы пришли на городской пляж. – Ты там не был.

Действительно не был на вышки ныряния в морскую воду. Поэтому сразу полез на самую верхнюю площадку, чтобы посмотреть, что там наверху, чего бояться все пацаны наше-

го Нового городка.

Но наверху ничего страшного не было. Внизу обычная вода. Только люди в ней почему-то кажутся маленькими. Посмотрел на своих друзей, которые стояли на первой площадке.

Задрав головы смотрели на меня, как на героя. Мне было удивительно любопытно. Почему мои друзья боятся этой третьей вышки? Ведь они плавают в море как рыбы.

Наверно, они боятся высоты? Точно также как когда-то боялся большой глубины. Теперь мне придётся их затаскивать на эту вышку и сталкивать вниз в воду, чтобы они привыкли к высоте.

Постоял минут пять на самой верхней площадке вышки для ныряния. Когда увидел, что на меня задрав головы, смотрит, чуть ли не весь городской пляж, то мне стало стыдно спускаться с этой вышки.

Надо было нырять. Конечно, мог просто прыгнуть бомбой или солдатиком, как это делают все ныряльщики первой вышки. Но был на самой верхней вышке. Должен был достойно нырнуть, как ныряют ласточки в небе.

Подошёл к самому краю самой верхней площадке и, наклонившись, полетел как ласточка, расправив свои руки как крылья птица. Весь пляж разом ойкнул от испуга. Это слышал даже наверху. Но летел как птица и только у самой воды протянул руки вперёд себя. У меня это классно получилось. Но почему-то уже входя в воду, опустил ноги и с такой силой

ударился об воду, что даже на берегу слышали, как заорал в морской воде, которую тут, же стал хлебать, так как во время крика под водой выдохнул из себя весь воздух.

Мне никак не удавалось перевернуться в воде вверх головой, чтобы вынырнуть наружу и хлебнуть воздуха вместо горькой солёной морской воды. Вероятно, на пляже поняли, что тону.

Со всех сторон ко мне ринулись люди. Ближе всех оказалась моя одноклассница Жарцова-Иваненко Гала, которая стояла на первой площадке вышки и когда заорал в воде, так она тут же нырнула ко мне.

Видимо, это она подумала, что меня схватила судорога. Но так как все девчонки истерически боялись судороги, то у них в купальниках всегда были булавки.

В народе говорили, что если сильно уколоть место судороги, то судорога сразу падает. Вот она, эта Галка Жарцова-Иваненко, со всей силы воткнула мне в пятку, хорошо, что не в задницу, свою большую булавку.

Заорал ещё сильнее под водой из-за этой булавки и как пробка из бутылки шампанского вина, выскочил из морской воды, где меня в тот же миг подхватили взрослые и затащили в спасательную лодку.

Тут же хотели сделать мне искусственное дыхание. Но в воде не тонул. Просто нахлебался морской воды, когда кричал от боли. В лодке тоже продолжал орать, но только уже ни от того, что ударился ляжками об воду, а оттого, что Жарцо-

ва-Иваненко Гала воткнула мне в пятку свою иголку до самой кости.

Но в морской воде всё быстро заживает. К вечеру моя уколотая пятка зажила. Лишь синяки на моих ляжках напоминали мне о моём нырянии с самой верхней вышки.

Даже эти синяки на моих ляжка были ни очень заметны под сильным темнокоричневым загаром.

Так что ничего страшного со мной не произошло. Только с того дня стал ещё более знаменитым среди моих ровесников.

Обо мне ходили легенды, как о самом лучшем ныряльщике во всём Избербаше. Говорили, что вообще не боюсь, высоты и могу прыгнуть откуда угодно. Лишь бы была гарантия, что не разобьюсь обо что-то твёрдое в морской воде.

3. Прыжок с эстакады.

– Пацаны из города говорят, что у них есть один пацан, который прыгает с нефтяной вышки на эстакаде, – сказали мне как-то друзья. – Мы пацанам из города сказали, что ты тоже можешь свободно прыгнуть с нефтяной вышки на эстакаде в воду. Они хотят с нами поспорить на свою лодку.

Конечно же, не мог подвести своих друзей. Тем более что спор был на лодку. В нашей ораве лодки не было. Поэтому мы на спор поставили все свои рыболовецкие снасти и даже разные коллекции, которые фактически были у каждого пацана.

Представители обеих сторон оценили спорные ставки, как равные и стали вести свои переговоры о намеченном дне нашей встречи для моего прыжка с нефтяной вышки.

Нефтяная заброшенная эстакада находилась по самой середине между старым и новым городом Избербаш. Нефтяная эстакада была такой же спорной территорией, как городской стадион.

Но мы так часто не дрались за территории на нефтяной вышке, как за территорию на городском стадионе. Мы даже нашли компромиссное решение в спорном вопросе на эстакаде.

Мы договорились, что пацаны старого города ловят рыбу на эстакаде, со своей стороны. В то время как пацаны Нового городка ловят рыбу на эстакаде, со своей стороны.

Любой, кто нарушит договор, лишается рыболовных снастей и изгоняется сообща из эстакады.

Договору придерживались все. Не помню ни одного случая, чтобы кто-то нарушил наш договор.

Нефтяная эстакада заслуживала того, чтобы за неё бороться. Здесь на бетонных сваях круглый год росли сочные ракушки. Ракушки любили такие рыбы, как берш и кутум.

Огромные стаи рыб или просто одиночки кутума приплывали к этим сваям, облепленным сочными ракушками. Рыбакам оставалось лишь подготовить сочные ракушки в виде приманки.

Когда кутумы и берши собирались возле свай, то надо

было подвести им под нос раскрытую сочную ракушку, насаженную на большой крючок. Берш или кутум заглатывал сочную ракушку вместе с крючком.

После чего надо было спешить вытащить пойманную рыбу наверх нефтяной эстакады. Бывало так, что огромная рыба срывалась с крючка или обрывала леску.

Тогда морская вода становилась ещё солоней от слез рыбака, упустившего огромную рыбу. Но если рыбаку удавалось вытащить на морскую нефтяную эстакаду огромную рыбу, то с этого времени рыбак становился легендой дня.

За все годы моей жизни в Новом городке в Избербаше, мне ни разу не удавалось поймать с нефтяной эстакады ни одной огромной рыбы. Таких рыб, как тарань или бычок мы ловили всюду на Каспийском море. Поэтому никто не гордился такой рыбой, пойманной на нефтяной эстакаде. Но всё равно там прославился. Мы выбрали такой день, когда на нефтяной эстакаде не было рыбной ловли и взрослые были на работе.

С самого раннего утра к нефтяной эстакаде, уходящей в море стали подтягиваться пацаны со старого и с нового города.

Каждый должен был привести спорный трофей, который надо было положить в нейтральном месте. Кто выигрывал спор, тот забирал всё то, что лежало на нейтральной спорной полосе.

Когда к семи часам утра мы увидели пацанов старого го-

рода плывущими к нам на спорной лодке со своей стороны, то поднялся на эстакаду и пошёл осмотреть место моего падения в морскую воду.

Здесь нужна была огромная предосторожность. Даже тонкая леска в воде могла меня разрезать на две половинки. Во время моего падения на неё с огромной высоты.

Не говорю, о случайно проплывающей по воде газете. Местные жители рассказывали такие легенды, что если человек нырял с высоты на газету, то либо разбивался насмерть, либо сходил с ума от удара головой об газету на воде.

Мне совсем не хотелось убиваться, насмерть об газету на морской воде или сходить с ума от удара головой об газету. Хотя нырять головой в морскую воду с нефтяной вышки не собирался.

Спорщикам нужен был лишь результат моего прыжка. В морской воде под нефтяной вышкой не было ничего опасного. Мог свободно подняться на нефтяную вышку для своего прыжка. В это время чуть ли ни обе стороны старого и нового города собрались к нефтяной эстакаде.

В порядке нашего спора. Никто не имел права вовремя моей подготовки к прыжку подниматься на нефтяную эстакаду, чтобы случайно что-то не произошло на нефтяной эстакаде и тем более на нефтяной вышке, которая и без того сильно наклонилась в сторону морской воды.

В Избербаше давно поговаривали, что надо разобрать на металлолом давно проржавевшую нефтяную вышку.

Но руки как-то не доходили до старой нефтяной вышки, которая потихоньку ржавела и наклонялась к воде.

Как только стал забираться на эту нефтяную вышку, расположенную в конце нефтяной эстакады, то понял, что пацаны со старого города ввали насчёт своего пацана, который яко бы прыгал этой нефтяной вышки.

С неё ни то, чтобы прыгать было опасно. На эту нефтяную вышку даже подниматься было опасно, так как она раскачивалась с огромной силой. В любой момент могла просто рухнуть в морскую воду.

Пока добирался до самого верха нефтяной вышки, несколько раз едва не свалился на бетонные сваи, на которых стояла нефтяная вышка. Весь металл на нефтяной вышке проржавел и разрушался от любого моего прикосновения к нему. Так что у меня дорога на спуск с этой гнилой вышки был полностью отрезана.

У меня был только один путь, либо к смерти, либо к вершине славы, которая меня ждала после прыжка с этой нефтяной вышки, которая ещё сама стояла на нефтяной эстакаде.

Так что высота получалась двойная. Не знаю точно, сколько метров высота от самого верха нефтяной вышки. Но, то, что высота с вышки несколько десятков метров, так с этим может согласиться каждый человек, глядя на эту огромную высоту.

Когда поднимался на высоту нефтяной вышки, то в море

появился лёгкий ветерок с рябью на морской воде. На этой огромной высоте, это был ни лёгкий ветерок, просто настоящий шторм, который с силой раскачивал нефтяную вышку и всячески пытался скинуть меня вниз вместе со ржавым металлом вышки.

На самом верху нефтяной вышки находиться было ещё более опасно. Так как площадка на вышке была под наклоном. Сорваться с этой площадки под напором ветра можно было в любое мгновение.

Тем более, что падение могло быть не в воду, а на бетонные сваи эстакады. Падение в воду надо было рассчитать до сантиметров.

Ведь поток ветра и воздуха могли изменить траекторию падения в сторону от воды на бетон.

В последний раз посмотрел в сторону берега и увидел, как из старого и нового города бегут взрослые и размахивают руками в мою сторону. Посмотрел вокруг себя на море и увидел, как с обеих сторон города в мою сторону мчатся моторные лодки и катера.

Тут понял, что взрослые хотят успеть спасти меня от верной гибели. Но шансы на спасения меня были равны нулю. Никто из них не мог подняться на эту проржавевшую нефтяную вышку, которая в любой момент могла рухнуть на бетон и на железо нефтяной эстакады.

У меня был только один выход, как можно быстрее прыгать с нефтяной вышки в море. Прыгать бомбой и тем более

ласточкой, было опасно. При таком падении меня могло перевернуть силой потока воздуха и отнести в сторону бетонных свай.

Поэтому прыгнул солдатиком. Плотно прижав к себе руки и ноги, как оловянный солдатик из известной всем сказки "Щелкунчик". Пролетая мимо бетонных свай, спиной почувствовал, как холодный воздух скользнул возле моей спины от близости бетонных свай. Но отлететь дальше от бетонных свай не мог.

Не птица, которая может маневрировать вовремя полёта. Просто тупой человек, который ради своей славы решил разбиться насмерть об бетонные сваи в море.

Но не разбился об бетонные сваи в морской воде. Видимо воздух от свай, как-то отклонил меня в сторону, когда пролетал возле свай.

Словно стрела, выпущенная из лука в воду, воткнулся в морскую пучину с такой огромной скоростью, что прошёл всю толщу воды до самого дна морского, как нож протыкает мягкое масло на тарелке.

Здесь была такая огромная глубина, что надомной исчез солнечный свет и голову в воде так сильно сдавило, что подумала моя голова сейчас лопнет.

Вместо меня наверх выплывут только мои поганые мозги, которые тоже не достигнут поверхности воды, так как их съедят по пути разные рыбы. Однако моя голова не лопнула.

Коснулся ногами дна и только тут понял, что на этом моя

жизнь закончилась. У меня не будет никаких сил подняться наверх из этой огромной морской глубины.

Но хотел жить. Поэтому стал усиленно грести руками и ногами наверх из воды. Мне нужно было во, чтобы то ни стало выбраться из этой ловушки под водой, куда себя сам загнал.

Жизнь того стоит, чтобы за неё мне побороться. Грёб наверх из морской воды, в то время как сама морская вода медленно, но уверенно проникала внутрь меня и начинала притормаживать ни только моё движение, но и моё сознания.

Прекрасно понимал, что начинаю тонуть. Но у меня уже не было, никаких сил, чтобы как выбраться из морской пучины и выжить всем смертям назло.

Уже почти смирился со своей участью умереть в глубине морской воды, как, вдруг, чьи-то руки подхватили меня и с новой усиленной скоростью потащили туда, где пробивался знакомый лучик солнца, где меня ждал кислород воздуха, как самая живительная пища для жизни на Земле.

Не успел дожидаться воздуха и солнца. Просто бессовестно для самого себя, вдруг, потерял сознание. Лишь чувствовал, как меня куда-то вытаскивают.

Затем кладут на что-то жёсткое, а там болтаюсь, как бурдюк, наполненный вином. Но это ни бурдюк с вином, а мой желудок с морской водой бултыхается внутри меня.

Прошло какое-то время. Вот меня поднимают обратно и несут куда-то. Кладут на морской песок и начинают на ме-

ня давить. Мне становится от этого тошно и противно. Открываю глаза и начинаю блевать потоками морской воды, от которой мне до такой степени противно, что мне кажется, скоро кишки из меня вылезут. Встаю на колени и начинаю изрыгать из себя всё, что было внутри меня из пищи и морской воды.

– Смотрите, он очухался! – говорит кто-то. – Везучий пацан. Ни за что не выбрался бы из воды.

– Хорошего ремня надо дать за "подвиги". – говорит другой мужчина. – Из-за него работу бросил.

– Ремня мне, никакого не нужно. – глухо, говорю. – Сегодня и так сам себя наказал на всю жизнь.

– Чей это такой философ жизни? – спрашивает мужчина, потерявший работу. – Где мальчик живёт?

Все вокруг меня молчат, словно в рот морской воды набрали. Даже пацаны со старого города молчат. Может быть, что они совсем не знают кто такой? Но всё равно они солидарны со мной.

Раз ничего не говорят обо мне. Возможно, что все пацаны ещё в шоке? Ведь из-за того, что они поспорили, чуть было не утонул. Поэтому боятся говорить, чтобы их вместе с родителями не привлекли к ответственности из-за меня.

– Оставьте его в покое. – говорит какой-то мужчина за моей спиной. – С ним всё в порядке. Это ни его надо наказывать, а городские власти, за то, что ржавая буровая вышка до сих пор здесь весит.

Постепенно взрослые расходятся. На морском берегу остаются только те, кто затеял этот глупый спор. Пацаны с обеих сторон старого и нового города подходят ко мне. Кто жмёт мне руку, а кто хлопает по плечу. Но все приветствуют меня за столь опасный подвиг.

За такой прыжок с высоты нефтяной вышки, которая стоит на нефтяной эстакаде. Большинство присутствующих сравнивают мой прыжок с прыжком человека из самолёта без парашюта.

Ведь меня могло запросто отнести ветром на бетонные сваи. Тогда уже точно мог разбиться насмерть.

Видимо, что всё-таки везучий человек, раз в разных опасных ситуациях остаюсь жив и здоров.

Пацаны старого города сдержали своё слово и отдали нам лодку, которую они проспорили за мой прыжок.

Друзья погрузили всё в лодку и предложили мне сесть в неё, но категорически отказался плыть на лодке. Сказал, что немного отдохну и пойду домой пешком.

С меня было вполне достаточно моря, воды которого так нахлебался, что больше видеть не хочу не моря, не саму морскую воду. Друзья ни стали настаивать и отправились морем к нашему Новому городку.

Только на прощанье сказал им, чтобы они моим родителям сказали, что остался в гостях у наших родственников в Избербаше до самого вечера.

Друзья уплыли на лодке. Отошёл подальше от нефтяной

эстакады и забрался под перевёрнутый баркас, который уже давно выкинуло море во время сильного шторма.

Мальчишки и взрослые мужчины давно сняли с этого баркаса все, что можно было снять. Сейчас на баркасе остался один каркас без ничего. Но зато под баркасом большая тень.

Можно в этой тени хорошо отдохнуть, любому человеку, уставшему у моря. Прилёг под баркасом и вскоре уснул. Так сильно устал, что у меня уже не было никаких сил на движение.

Хотелось просто полежать. Но сон оказался сильнее меня. Проспал под баркасом до поздней ночи. Мне стало страшно, что меня будут обратно искать в море.

На этот раз отец сдержит своё слово и мне хорошо высплут за все мои "подвиги". Как мне быть дальше, совсем не знал. Но бежать из дома тоже бесполезно.

Ведь мой отец не зря мне говорил, что куда бы человек не бежал, его ноги всё равно приведут обратно. Так как земля круглая и все дороги ведут к дому. Так какой же тут смысл бегать мне из своего дома?

Мне ничего не оставалось, как с повинной возвратиться к себе домой. Тогда мне меньше попадёт от отца. Даже самая горькая, правда, лучше, чем любая сладкая лож.

Надо покаяться перед своими родителями. Дать им слово, что больше никогда не буду совершать никаких "подвигов". Мне нужно было спешить.

Так как после того, как мой желудок освободился от мор-

ской воды и от пищи в нем, с того времени ничего не кушал.

Мои кишки и мой желудок играли голодный марш. У меня кружилась голова. В любой момент мог просто рухнуть на морской песок и больше никогда не встать.

До утра меня могли скушать шакалы или гиены. Правда, гиены здесь были огромная редкость. Может быть, одна семья на весь Дагестан? Зато шакалов, лисиц и волков тут в Дагестане было достаточно много.

Не далеко от города даже черные медведи жили. Но это уже совсем другая история, которую можно будет рассказать в свободное время. В ту ночь мне было ни до животного мира природы.

Сам готов был загрызть любого, чтобы только выжить с голоду. Как назло, по пути к моему дому не было ни одного растения, которое можно было мне употребить в пищу. За целый день, так сильно отошал, что у меня вообще не хватило силы дойти до двери нашей коммунальной квартиры. Рухнул буквально на пороге нашего подъезда и стал терять сознание.

Хорошо, что мой верный друг, немецкая овчарка, пёс Джульбарс, которому было всего несколько месяцев, почувствовал меня через дверь нашей коммунальной квартиры и начал так сильно лаять, что разбудил весь подъезд. На лай Джульбарса вышли соседи на площадку подъезда.

Вскоре вышел мой отец. Он поднял меня на руки и внёс в нашу коммунальную квартиру. Тут на пороге квартиры по-

явилась моя мама. Меня отец отнёс в нашу комнату и положил в постель.

У меня был сильный жар. Мама дала мне попить абрикосовый компот. Мне стало немного лучше. После прыжка с нефтяной вышки на эстакаде, больше не совершал подобных "подвигов".

Мы всё равно как-то хотели показать себя, самыми сильными и самыми смелыми перед своими друзьями, а также перед своими ровесниками. Поэтому, мы часто ходили ободранными до крови, с синяками и ссадинами.

Считали, что только так должен выглядеть самый сильный и самый смелый мужчина, который должен уметь защищать слабых пацанов. Давать отпор тем, кто пытается напасть на тебя.

Время жизни показало, что мы были правы, когда с самого детства учились постоять за себя в трудную минуту жизни. Мы многократно раз били тех, кто нападал на нас или на слабых пацанов.

Но никогда первыми, ни на кого не задирались. Всегда помнил, как меня учили терские казаки ещё с первых моих шагов, что не хорошо обижать людей. Если тебе угрожают, то не нужно ждать, когда тебя побьют или, убью.

Дай отпор тому, кто тебе угрожает, но только не убивай человека. После люди сами разберутся, кто был прав, а кто виноват. Но главное, что ты, ни дал себя обидеть. Вряд ли кто-то дважды полезет на тебя с кулаками. Все будут знать,

что ты можешь постоять за себя.

4. Чёрная грязь. (Озокерит)

Мы своей семьёй так быстро освоились на новом месте жительства в Новом городке, что со стороны можно было подумать, мы родились здесь на берегу вблизи Каспийского моря.

Мама пока была в декретном отпуске с близнецами, Сергеем и Юркой, занималась дома кройкой и шитьём одежды любых размеров. Заказов у мамы было много.

По выходным дням мама выгуливала малышей по берегу моря и вблизи диких зарослей возле Нового городка, чтобы малыши дышали свежим воздухом и быстро росли.

Так как детей скоро надо было определять в детский садик. Отец дома почти не бывал. Ранним утром на драндулете уезжал к себе в фотомастерскую в Избербаш.

Там проводил отец часто целые сутки. День у него не был нормирован. Так как с фотографиями у него было густо и пусто. Несмотря на то, что наш отец был единственным фотографом на весь район.

Когда отец имел много работы, то после дневной работы отец по ночам проявлял плёнки и печатал фотографии.

В свободное от работы время отец садился на свой трофейный мотоцикл марки «БМВ» или на драндулет, брал с собой аппарат фотокор и охотничье ружье.

На несколько дней отец уезжал в горы по аулам собирать

оригиналы у горцев на будущие портреты.

По пути отец промышлял охотой на дичь, которой было много здесь в горах Дагестана.

По выходным и праздничным дням парализованную бабушку Нюсю выгуливали на природу все наши родственники. В основном бабушкины, многочисленные дети, три дочери и два сына близнеца.

Взрослый сын Фёдор в эти годы отбывал после войны ссылку далеко на Камчатке и каждый год подавал документы на реабилитацию, чтобы вернуться обратно к себе на родину в Старый хутор.

С начала школьных каникул был вольный, как ветер с кавказских гор. Целыми днями носился вместе со своим верным псом по кличке Джульбарс, а также со своими верными друзьями, всюду за пределами Нового городка.

Мы всей оравой сутками проводили на берегу моря, в горах по ягоды или оставались ночевать на чердаке своего дома. Как все дети, рождённые сразу после войны, мы играли в войну. На чердаке дома у нас был свой штаб, в котором рождались все наши планы.

– Завтра у нас поход на черные грязи. – уточнил распорядок на завтра, Сулимов Вовка, дежурный по штабу. – Форма одежды повседневная, трусы и майки. С собой берём только ножи. Будем играть в индейцы. Затем сделаем набег на сады бледнолицых. Там уже поспели первые груши.

– Может быть, мы совершим набег на лесные груши? –

предложил, как выбранный командир штаба, почёсывая рукой то место, которое не зажило у меня после нашего последнего набега на имущество бледнолицых. – Дикае груши свободны для всех и там нет засады из отряда бледнолицых.

– Индейцы не выбирают лёгких набегов! – гордо, произнёс Абдулл, старший из отряда индейцев.

Демонстрируя свои свежие шрамы, оставленные у него на теле после набега на бледнолицых.

– Мы завтра разорим вражеское гнездо бледнолицых, за наше последнее поражение. – поддержал Абдулла, даже трусливый Пузан. – Мы им покажем, кто из нас хозяин в прериях нашего моря.

Весь отряд индейцев дружно выкрикнул свои призывные звуки к войне с бледнолицыми. Мне ничего не оставалось делать, как только согласиться с решением отряда свободных индейцев.

Сколько себя помню, не был трусом. Но наша вражда с бледнолицыми из старого города оставила много синяков и шрамов на моём загорелом теле.

Конечно, как все индейцы, гордился своими подвигами против бледнолицых и шрамами, оставленными на моём теле за время войны. Но мне никак не хотелось быть битым трофейным ремнём моего отца за мои подвиги.

В старом городе в семьях бледнолицых было много друзей-охотников у моего отца. Мы часто били детей бледнолицых за их набеги на наши земли.

На следующий день после наших разборок весь старый город знал о нашей драке. Родители битых детей требовали наказания за своё поражение. Родители индейцев Нового городка вынуждены были применять розги к своим детям.

Нас пороли публично хворостинами и ремнями, за то, что мы побили наших врагов, а ни они били нас. После публичного позора битья розгами, мы клялись на своих позорных синяках от наказания, что в следующий раз дети бледнолицых будут биты нами вдвойне, а сады-огороды бледнолицых будут нами разорены до основания.

Так будет продолжаться до тех пор, пока бледнолицые признают своё поражение от нас, а мы сможем беспрепятственно передвигаться на наших прериях.

Черные грязи находились сразу за рыболовецким колхозом недалеко от берега моря, почти на самой середине между старым и новым городом. В тёплые времена года на черные грязи приходили и приезжали по выходным дням в основном больные люди, а также дряхлые старики.

Здесь в булькающих из-под земли грязевых тёплых источниках можно было полечить старые раны, оставленные на теле солдат после войны с фашистами.

Чёрная грязь хорошо лечила природный недуг на костях и теле больных людей. Дряхлые старики пытались чёрной грязью сократить старение. Нас к чёрной грязи привлекало не только приключение. После ловли морских раков, судака, берша и бычков в расщелинах каменных гряд, расположен-

ных вдоль берега моря.

Мы всегда были порезаны об ракушки, которые росли на каменных грядках. Нам доставалось от острых щупальцев морских раков. Нас часто ранили своими колючками судаки и берши. Даже после драки с бледнолицыми врагами из старого города, мы приходили к чёрной грязи лечить свои раны и царапины.

В самые первые дни лётных каникул, когда на болотах чёрной грязи в рабочее время не было стариков и больных, мы полностью оккупировали лечебное место и не допускали сюда никого из отряда бледнолицых.

Конечно, наши противники тоже пытались захватить место отдыха и лечения на черных грязях. Иногда выходили на тропу войны. Но в отличие от пацанов старого города, пацаны Нового городка были более сплочёнными.

Мы давали отпор захватчикам свободной земли. Дети бледнолицых могли попользоваться нашей добротой лишь в присутствии своих и наших родителей. Мы все без исключения уважали своих и чужих родителей, особенно солдат войны с фашистами.

Поэтому в присутствии родителей мы сдерживали свой враждебный порыв против отряда бледнолицых. Индейские воины становились мирными людьми в окружении родителей.

– Мы сегодня должны основательно подготовиться к войне с бледнолицыми, – сказал, Сулим, когда до наступления

рассвета мы пришли к месту чёрной грязи. – Пока будем готовиться к тренировкам рукопашного боя с бледнолицыми. Первым на дозоре с Джульбарсом будет Череп. Через два часа на дозор с Дингой выйдет Пузан. Затем с Абреком будет на дозоре Абдулл. Так мы будем чередоваться на дозоре до самого вечера. К вечеру на закате выйдем на тропу войны с бледнолицыми.

Весь отряд индейцев стал обличаться в маскировочное снаряжение. В первую очередь мы основательно вымазались почти чёрной темнокоричневой грязью.

Затем себе в волосах головы закрепили длинные перья дроф и стрепетов. На руки, на ноги и на пояс себе нацепляли сухие полосы морской травы, а также веточки травы «пере-кати поле».

Основательно вооружились пиками, луком и стрелами из веток чилижника. В результате чего мы стали похожи на индейцев и на чучело, которых издали, боялись не только бледнолицые, а также перелётные птицы и местные хищники.

Отряд индейцев стал готовиться к предстоящему рукопашному бою с отрядом бледнолицых. Мой пёс по кличке Джульбарс вымазанный чёрной грязью и замаскированный сухими полосами морской травы, вместе со мной выдвинулся за песчаные барханы в сторону старого города, откуда могли прийти наши противники из отряда бледнолицых. Мы должны были заметить врагов издали и заранее предупредить отряд индейцев о возможном нападении со стороны

старого города.

Когда мы залегли на своём посту, то кроваво-красное зарево рассвета едва появилось за горизонтом чёрной полосы морской глади. Наступление такого рассвета, не смотря на кровавый цвет, не предвещала ничего страшного.

Хотя по школьному стихотворению о буревестнике хорошо было известно, что скоро после затишья грянет буря. К вечеру будет бой индейцев с бледнолицыми.

Вокруг нашего поста было тихо. Далеко за железной дорогой мерцали огни старого города. В стане бледнолицых только начинали просыпаться. Скоро родители бледнолицых пойдут на работу.

Выспавшись хорошо, дети бледнолицых решат пойти понежится в свои сады-огороды или к берегу моря. Мы к этому времени основательно подготовимся и встретим их как настоящие воины.

В общем-то, у меня и у Джульбарса дежурство на дозоре проходило нормально. Даже слишком скучно.

Если, конечно, не считать морских мошек, которые буквально облепили сухую морскую траву, которая пахла рыбой и вместе с потом нашего тела, представляла хорошее лакомство назойливым мошкам.

Мошки так достали Джульбарса, что он стал лязгать зубами в попытке поймать пастью морских мошек. Мне тоже пришлось шлёпать мошек у себя на вспотевшем лице и руках.

– У вас нет никакой маскировки. – заметил Пузан, приползший к нам на смену через два часа вместе с собакой по кличке Динга. – Как вы шлёпаете и кусаете мошек слышно даже у чёрной грязи.

– Посмотрим на вашу маскировку. – ехидно, огрызнулся, уступая место на дозоре. – Тебя вместе с Дингой будет слышно даже в лагере бледнолицых. Если вы ещё выдержите до конца дежурства.

Мы с Джульбарсом осторожно отползли с места своего дозора за соседний песчаный холм. Оттуда бегом мы помчались в сторону небольшого гейзера серной воды, которая брызгала из-под земли на высоту около двух метров. Нам хотелось, как можно быстрее, смыть с себя засохшую на теле чёрную грязь, а также смоченную потом сухую морскую траву вместе с назойливыми мошками.

– Идите быстрее завтракать! – закричал издали, Сулим, когда увидел, что мы с Джульбарсом вернулись с дозора. – Хватит вам скакать. Завтрак стынет. После искупаетесь в море. Сейчас завтрак.

На завтрак были свежие варёные морские раки, которых только что наловили в каменной гряде возле самого берега моря. Здесь же на костре кипела в котелке уха из морских бычков, заправленных свежей зеленью.

К горячим блюдам был горячий лаваш, который не остыл в махровом полотенце. Из напитков в китайском термосе холодный морс из дикорастущих ягод и разных плодов.

У каждого индейца за поясом всегда рядом с кинжалом или рядом с финским ножом была деревянная ложка. Основное орудие индейца, во время отдыха между сражениями против бледнолицых.

Кушали мы уху деревянными ложками прямо из котелка с кипящей ухой. Варёных раков было так много, что хватило на еду всем индейцам и нашим сторожевым собакам.

Конечно же, наши верные четвероногие друзья не остались обделёнными ухой с варёными морскими бычками. В каждой выемке на каменной гряде, словно в каменной чаше, собаки лакомились ухой из бычков.

После сытного завтрака, мы словно тюлени сполоснулись в морской воде и тут же развалились на каменной гряде, загорать в первых лучах восходящего солнца.

Загар на рассвете намного лучше, чем загар в течение дня. Нет никакого риска, получить ожог от ультрафиолетовых лучей жаркого солнца. Хотя индейцам нечего опасаться жарких солнечных лучей.

Ведь мы с первого шага по земле стали детьми моря и солнца. Почти круглый год мы бегаем в одних трусах под открытым небом. У нас от солнечного загара такая отличная маскировка, что нас не отличишь от местной грязи.

Мы такие же коричневые и липкие, как местная грязь при солнечных лучах после дождя в городских лужах. Нас даже родители с большим трудом отмывают от цвета, чтобы признать своими детьми.

Однако, цвет кожи и местная грязь, особенно чёрная грязь, на пользу нашему здоровью. В течение года большинство из нас редко болеют детскими простудными заболеваниями.

Время, как мгновение нашей жизни, проходит быстрее, чем мы думаем. Не успели мы вдоволь отдохнуть и хорошо подготовиться к предстоящим набегам на сады огороды бледнолицых, как предзакатная тень горы «Пушкина» упала черным покрывалом на старый город.

Мы стали основательно готовиться к походу в сторону территории наших противников, которых сегодня не видели. Измазавшись чёрной грязью с головы до ног. Нарядившись в перья стрепетов и дроф, на голове и на поясе. С телом облепленным пухом и сухой морской травой.

Вооружившись палками, пиками и луками со стрелами. В последний раз перед походом поклялись на чёрной грязи, что отомстим бледнолицым за наше последнее поражение в футболе и от болельщиков на городском стадионе. Между берегом Каспийского моря и нашим городом ровно по самой середине проходила кавказская железнодорожная магистраль.

По обеим сторонам железной дороги росли зелёные посадки деревьев, которые прикрывали железную дорогу от пыльных бурь и морского песка со стороны пустыни.

Сразу за зелёной полосой в сторону города располагались сады-огороды местных жителей. На шести сотках садов-ого-

родов горожане выращивали картошку, ягоды, фруктовые деревья и разную зелень к своему столу.

В небольших сараях разводили домашнюю птицу и молочных коз. После того, как засуха прошлого лета, саранча и суровая зима прошедшего года фактически уничтожили единственный источник дешёвых продуктов сельского хозяйства.

Горожане общими усилиями укрепили и утеплили территорию садов-огородов. Огородили территорию сельского хозяйства плетёной изгородью из веток чилижника, который весной пустил корни во влажную землю и густо покрылся яркой зеленью с острыми колючками, как крючки на наших рыболовных удочках.

– Да! Такую крепость будет трудно взять. – почёсывая затылок, разочарованно, сказал, Сулим, когда перед нами оказалась двухметровая изгородь из колючек чилижника. – Здесь стоит подумать.

– Чего думать!?! – удивлённо, воскликнул Абдулл. – Закидаем чилижник сухими ветками и все дела.

После суровой зимы вдоль железной дороги было много погибших деревьев, которые валялись всюду возле колючей изгороди из чилижника. Минут через десять после сбора сухих веток, мы закидали небольшой участок колючей изгороди сухими ветками.

Получилось нечто такое, что делали в древности наши предки в этих местах, когда отбивали земли, занятые врага-

ми наших предков.

— Превратим в пустыню территорию бледнолицых! — крикнул, Сулим, призывая к штурму изгороди.

Отряд краснокожих, словно саранча, бросились на полосу препятствия. Но едва мы достигли середины колючей изгороди, как в тоже мгновение в нашу сторону полетели комья липкой глины.

Наши головы осыпали репейниками, верблюжьими колючками и морскими орехами с острыми шипами. Нас буквально забросали тем, что могло прилипнуть к телу, к волосам и просто ранить нас.

Мы никогда не думали, что, в общем-то, разобщённые пацаны старого города, которых мы часто легко били, могут так хорошо подготовиться к встрече нашего предстоящего погрома на территории своих садов-огородов.

Теперь ни мы били бледнолицых, а нас били наши противники. Причём били нас основательно. Колючими предметами изодрали всё то, чем мы были наряжены к походу.

Вопли пострадавших заглушал рёв товарных поездов, которые словно сговорились с нашими противниками, тысячи тонные составы товарных поездов мчались в обе стороны.

В это же время сзади напирали ликующие соплеменники, которые по старой привычке наши вопли воспринимали, как жестокое поражение бледнолицых под напором наших воинов.

Нам отступать было некуда. Под напором наших сопле-

менников мы буквально падали под ноги своих соперников, которые тут же набрасывали на нас рыболовные снасти и пленили нас на своей территории.

У нас не было другого выхода, как только пустить в ход острое оружие. Мы вытащили из своих поясов финские ножи и кинжалы, острые, словно бритвы для бритья. Нам было жаль резать рыболовные снасти, сами были рыбаками.

Но возможное пленение и массовое поражение были опасней жалости чужих рыболовных сетей.

Поэтому мы, яростно размахивали финскими ножами и кинжалами, превращая рыболовные снасти в куски разорванной паутины, которой хотели опутать и захватить нас.

После того, как рёв прошедших товарных поездов сменился рёвом массового побоища между отрядами бледнолицых и краснокожих, со стороны старого города блеснули первые лучи фонариков и столбы из света мощных прожекторов.

Труженик город, который готовился к ночлегу после трудового дня, словно проснулся от предстоящей беды и тут же ринулся в сторону диких криков.

– Сейчас же прекратите драться! – закричали на нас со всех стороны. – Зачем вам дикие побоища?!

Обе стороны соперников мычали что-то невнятное себе под нос, но не отвечали на вопросы взрослых, которые в суматохе побоища пытались разобрать своих чад по домам.

Но мы все были так сильно испачканы, что в нас вообще

было трудно признать кого-то хотя бы по знакомым родовым отметкам. Поэтому нас просто разделили по местам жительства в старом и в новом городе.

– Сейчас же разойдитесь по своим домам! – как представитель городской власти, приказал нам, отец Сулимова Вовки. – В ближайшую субботу будем с вами разбираться публично. Может быть, даже будем применять розги, как было в старину на Кавказе? Публичная порка научит вас жить.

Без слов со стороны городской власти прекрасно знал, что дома точно будет порка трофейным ремнём. Наверно, запрут меня дома под замок, на целую неделю?

Абдуллу тоже сидеть рядом со мной. Ведь мы живём в одной коммунальной квартире. Место наказания у нас общее, старая кладовка без окон с одной старой дверью и небольшим диваном, на котором у нас будет наказание.

После того, как наша орава ушла с места массового побоища на свою территорию за стадион в сторону Нового городка. Мы решили хоть немного привести себя в порядок.

Нас только за вид могли наказать. Ну, а такого как, могли просто добавочно высечь трофейным ремнём. Поэтому, прежде чем разойтись по домам, мы пошли к колонке в соседнем дворе, чтобы не мыться у дома.

Несмотря на жаркий день, мы мылись под холодной струёй пресной воды из крана колонки до посинения. Когда от холодной воды не могли попасть зуб на зуб, то решили разойтись по своим домам.

Договариваться о новой встрече ни стали. Так как каждый из нас прекрасно знал, что следующая массовая встреча будет у нас на нейтральной стороне между старым и новым городом.

– О! Боже мой! Да на вас живого места нет! – возмущённо, поинтересовалась моя мама, когда мы с Абдуллом робко вошли в нашу общую коммунальную квартиру. – Опять с городскими подрались!?

Мы оба молча, кивнули головами. Больше говорить нечего. Всё остальное было видно на нашем теле без слов. Нам нужна была первая медицинская помощь.

Поэтому моя мама меня и Абдулла тут же отвела за стол на кухню. Мама усадила нас завтракать за стол возле окна. Сама в это время пошла в нашу комнату за медицинскими препаратами, чтобы лечить нас от ран и царапин.

– Из-за ваших постоянных драк наша коммуналка превратилась в госпиталь. – с огорчением, сказала мама, открывая флакон с перекисью водорода. – Вся квартира пропиталась запахами лекарств.

Мама вначале по очереди обработала наши раны перекисью водорода. Затем на серьёзные ранения стала накладывать марлевые повязки с лекарством от ран.

Мелкие ранки и царапины, мама просто смочила ваткой с йодом и с зелёнкой. Мама делала медицинские процедуры так хорошо, словно работала медсестрой. Во время медицинских процедур мы кривились от ожогов йода и зелёнки,

но старались не показывать страха перед болью.

Ведь мы индейцы, которые терпят боль. Целую неделю мы были под присмотром наших мам и парализованной на ноги бабушки Нюси. Нам постоянно меняли повязки на ранах и смазывали ранки козьим жиром, чтобы быстрее ранки затягивались.

В эти дни дома не было наших отцов. Мой отец был в горах по сбору оригиналов. Отец Абдулла дежурил вахтовым методом далеко в море на нефтяных промыслах на буровых вышках.

Так что мы легко избежали домашней порки за свои подвиги в драке с бледнолицыми. Отец Сулима сдержал своё слово. За три часа до футбольного матча на стадионе собрались на родительское собрание родители и дети двух районов одного города.

На собрании был всего один вопрос, это массовая драка между детьми старого и нового города. Всех драчунов вывели на середину стадиона и стали публично позорить.

Объясняли, что драться в таком городе, как Избербаш, это должно быть стыдно перед родителями, которые воевали против фашистов для того, чтобы на земле наших предков никогда не было войны между народами кавказских гор. Наши родители и просто взрослые на стадионе были правы в том, что обсуждали нашу драку. В нашем небольшом населённом пункте, где на два района было чуть больше сотни жилых домов, проживали около двухсот национальностей со

всего Советского Союза.

Одних только местных национальностей было шесть десятков и столько же диалектов похожих народностей Дагестана. В одном нашем жилом двухэтажном доме из четырёх подъездов проживали представители почти ста национальностей.

Причём большинство семей были в смешанных парах разных национальностей. Подавляющее большинство мужчин старого и нового города были солдатами и офицерами войны с фашистами.

Многие из них вернулись с полей сражения инвалидами. Самое удивительное было то, что в массовой драке между пацанами двух районов участвовали подростки от десяти до четырнадцати лет.

В большинстве ровесники после военного рождения. Младше нас дети были постоянно под присмотром родителей. Старше нас пацаны, рождённые до войны и во время войны, вообще-то были взрослыми.

Повзрослевшие дети войны занимались учёбой и созданием семей. Так что вопрос о массовой драке стоял на одном поколении детей. Нас ни стали придавать публичным розгам, как того хотел отец Сулима.

Но от нас потребовали клятвы по законам индейцев и по законам народов кавказских гор, что мы больше никогда не поднимем руку на своего соседа, брата и друга по крови.

Любой пацан, индеец или бледнолицый, нарушивший

клятву будет публично наказан розгами на центральном стадионе нашего города. Буду откровенным перед памятью своего детства.

Братской дружбы между нами и бледнолицыми ни стало. Но массовые драки между старым городом и Новым городком прекратились. Вскоре новостройки с обеих сторон слили в один город оба населённых пункта.

Как таково, враждовать стало не с кем. К тому же мы повзрослели и только со смехом вспоминали наши былые сражения. Спустя несколько десятков лет после нашей последней драки с пацанами старого города, меня прихватил сильный радикулит.

Спина так сильно болела, что не мог двигаться. Врачам ничего не оставалось делать, как отправить меня лечится в пансионат «Зумрад» в Ферганской долине возле Исфары.

Город напрямую связан с подвигами полководца Александра Македонского и не порабощённым им местным народом под общим названием «Согдианы». На этом месте великий воин сказал на своём языке «Ис фара!» «Остановимся здесь!». Отсюда появился в Ферганской долине город с македонским названием.

Сам город мне не довелось посетить, но остановиться здесь, как того требовал великий воин, стоило хотя бы на лечение своих стареющих костей.

К моему удивлению, меня ни стали лечить уколами и какими-то болезненными процедурами, которые применяют в

больницах и в госпиталях.

Мне назначили ванны с парафином, душ Шарко и грязевые ванны из чёрной грязи, а также ходьба и в дальнейшем бег в сторону вершины поросшей густой растительностью, в виде дикорастущих плодовых деревьев. В основном росли абрикосы.

– Это что за грязь с таким знакомым мне запахом? – поинтересовался, когда меня обмазали темнокоричневой грязью.

– Эту грязь называют «озокерит» вулканического происхождения. – объяснил мне лечащий врач.

– У меня вообще-то прекрасная память. – задумчиво, сказал вслух сам себе. – Но никак не могу вспомнить, где когда-то встречал такой запах. Так хорошо помню запах, словно всё было вчера.

– Едва ли вы встречали в природе эту лечебную грязь. – вмешался доктор в мои размышления. – Озокерит добывают вблизи Избербаша в Дагестане за тысячи километров от этих мест.

– Так это же грязь из моего детства! – радостно, закричал. – Мы жили рядом с этой чёрной грязью! В детстве мы мазались чёрной грязью и играли в индейцев. Даже дрались там с бледнолицыми!

Вот так, спустя многие десятилетия после моего детства чёрная грязь помогла мне пережить страшную боль. Спустя два дня после грязевого лечения мог свободно ходить в гору в лес за спеющими абрикосами.

Неделю спустя бегал в гору и обратно, как в моём далёком детстве. Через две недели был полностью здоров благодаря чёрной грязи со странным названием «Озокерит».

К счастью и, к сожалению, мне больше не довелось приходить за помощью к чёрной грязи. С последней моей встречи с чёрной грязью прошли ещё десятки лет. Стар, но полностью здоров.

5. Арбузы с бахчи.

В Избербаше, на перекрёстке Уллубиевской балки и махачкалинского шоссе, за огромным автомобильным мостом, растёт немного леса, а дальше лысая гора, без растительности.

Лысую гору хорошо видно от маяка с мыса, который прикрывает от холодного ветра с севера пресные заливы, где мы ловили разную рыбу на удочку и на мелководье гонялись с острой за кефалью. От пресных заливов до лысой горы километра два, а, может быть, и больше, но мы знали, что на этой горе пасётся стадо баранов?

Поэтому считали, что где есть бараны, то там нам делать совершенно нечего. Хватит тех баранов. Нечего делать на лысой горе таким баранам, как мы. Настоящие бараны съедали всё подряд, но самое главное то, что бараны съедали землянику, которой наполнялись лесные полянки вокруг Уллубиевской балки.

Лысая гора была единственным местом, куда никогда не

ступали наши ноги. Всё остальное мы обследовали вдоль и поперёк, ничего не упускали из виду.

Где можно было полакомиться дарами природы и наловить в море рыбу. Однако мне хочется немного сказать про Сулимова Вовку, а точнее, про его семью.

Сулимова Вовки мама работала в Исполкоме Избербаша, а папа в городском комитете КПСС. Это была уважаемая семья в Избербаше. Особенно в Новом городке.

Фактически семья Сулимовых была городской и районной властью. Больше отец как руководитель партийной организации. Все говорили, что на эту семью можно равняться.

Как подобало сыну таких родителей, Вовка был прилежным учеником и круглым отличником по всем учебным предметам. Нам всегда ставили его в пример.

Но, мы, его друзья, знали Вовку совсем, с другой стороны. Как любили тогда сравнивать человека с изнанкой, а также с другой стороны медали. Наш друг был у нас, как на ладони.

Сулимов Вовка действительно гордился за своего отца, но не в работе, а совершенно в другом виде. Вовкин отец был инвалид великой отечественной войны.

У него не было правой руки. Зато с левой руки он стрелял лучше других охотников. У них была мелкокалиберная винтовка, которую Вовкин отец клал на плече, через зеркало стрелял в уток нырков, которых обычным способом убить фактически невозможно, так как они ныряли всегда раньше, чем охотник успевал в них прицелиться и выныривали очень

далеко от охотника.

Даже мой отец не охотился на шустрых птиц. Так вот, именно этим наш друг всегда гордился за своего отца. Вовка рассказывал нам постоянно разные истории про своего отца. Чаще всего придуманные им истории, в которые трудно поверить. Мы слушали Сулимова Вовку разинув рты. Наш друг пользовался своим положением.

Часто втягивал нас в различные авантюрные истории, из которых сам выходил сухим, а нам попадало. Так получилось и с арбузами на бахче. В эту историю нас втянул именно Сулимов Вовка.

Мы все в тот проклятый день ловили рыбу в пресных заливах и не думали о приключениях, за которые нам очень часто попадало. Погода была прекрасная.

На море почти штиль. Лишь со стороны Уллубиевской балки с гор дует лёгкий прохладный ветерок. Рыба клюёт как в море, так в пресных заливах.

Под каменной грядой, разделяющей морскую воду от пресной. Со стороны пресных заливов, полно раков и бычков чернышей. Мы уже устали объедать свежую икру с морских раков.

В этот день Сулимова Вовки с нами не было на рыбалке. Он рано утром уехал в горы с отцом к друзьям аварцам. На сегодня мы с ним не рассчитывали встретиться.

Так как сами хорошо знали, что у парторга в горах много кандидатов на приём в коммунистическую партию. Так

что Вовка при встрече с нами будет рассказывать нам о партийной агитации своего отца, что нам не интересно. К обеду мы наловили много рыбы. Собирались варить уху. Как вдруг увидели Вовку на горе над пресными заливами, со стороны Нового городка. Точнее на небольшой возвышенности, со стороны окраины военного завода.

Вовка бежал в нашу сторону, отчаянно размахивая руками. Он что-то кричал, но рёв товарного поезда над Уллубиевской балкой полностью заглушал крик нашего друга.

– Братва! Вы сейчас попадаете! – восторженно, сказал, Сулим, едва переводя дыхание после бега с горы. – Такое узнал, что вы даже представить себе не можете. Мы сейчас ехали с отцом домой мимо лысой горы. Вы знаете, что там видел? Вы в жизни, не поверите. Там бахча! Завалена огромными арбузами! Арбузов так много, что нашей ораве хватит арбузов до конца этого сезона.

Вовка показал вытянутыми руками объем арбузов впереди своего живота и ещё сильно надул свои щеки. Мы едва сдерживались, чтобы не засмеяться или врезать ему по морде за враньё.

– Брось врать! – не поверили мы. – Весь город знает, что там пасутся бараны, ничего больше нет.

– Вот, клянусь мамой! Клянусь хлебом! – клялся Вовка, показывая на лбу заветный крест смерти.

– Хорошо! – согласился Абдулл. – Сейчас пойдём, проверим. Но если ты соврал, то получишь.

Мы разом подсунули Сулиму под нос свои ободранные от драк кулаки. Вовка понюхал наши кулаки с ухмылкой и попытался попробовать кулаки на зуб, как это делал наш пёс Джульбарс, когда мы за его провинность показывали свои кулаки.

Вовка, конечно, не пёс, которому часто сходили с рук его проделки. Сулим за враньё может по-настоящему получить от нас по зубам и по морде.

Мы ни стали откладывать своё решение тут же отправились целой оравой проверить то, что сейчас поведал нам наш друг. Чтобы не тащить все свои удочки и рыбу, мы снасти попрятали в камышах.

Сидящим на камнях мальчишкам наказали смотреть, чтобы никто не стащил наше имущество, иначе мы всех их побьём за пропажу наших удочек. Если будет всё хорошо, то мы принесём своим охранникам сладкие арбузы, а также угоstim свежей ухой, сваренной из тарани.

Примерно, через час ходьбы от места своей рыбалки, мы были у подножия лысой горы. Осторожно пробираясь сквозь колючие кусты чилижника и ежевики, мы целой оравой выползли к поляне на лысой горе, и сразу все обалдели. Вся лысая гора была буквально завалена огромными арбузами. Они были даже намного больше, чем показывал нам Сулимов Вовка у пресных заливов.

– Ну, что, убедились! Вам правду сказал! – торжественно, прошептал наш друг. – Сейчас наедемся до отвала, потом с

собой домой арбузов возьмём. Угостим друзей. Это теперь будет наша бахча арбузов. Мы застолбим себе этот участок, как золотую россыпь во время золотой лихорадки.

Наученные опытом частых набегов на чужие сады и огороды, мы осторожно осмотрели всю территорию бахчи. Никто из нас не хотел пострадать на чужой территории.

Убедившись в том, что бахча никем не охраняется, вонзили нож в самый большой арбуз. Арбуз был настолько зрелый, что лопнул на две большие половинки.

Мы тут же разрезали его на равные части всей оравы. Быстро съели весь первый большой арбуз. Конечно, нам этого арбуза было совсем мало. Осмелев после съеденного арбуза, мы поверили в свою ненаказуемость и решили, что каждый из нас может выбрать себе самый спелый и самый большой арбуз, чтобы затем съесть его сердцевину и досыта наладомиться арбузом, как это делают хищники с трудом добытой жертвой.

Так мы делали всегда. Когда недалеко от берега моря таскали спелые арбузы в садах-огородах своих горожан. Выбрал себе, на мой взгляд, самый огромный арбуз, у которого была жёлтая попка и жёлтый хвостик.

Прижал своё ухо к арбузу и сдавил его обеими руками. Арбуз звонко затрещал, это означало, что арбуз вполне спелый. Со всего маха вонзил в арбуз свой финский нож по самую рукоятку, арбуз раскололся на две огромные части. Ни стал с арбузом церемониться, прямо обеими руками, как

сердце из жертвы, выдрал из арбуза сердцевину, красную, как человеческая кровь.

Съеденный мной арбуз был настолько сладкий, что обе мои руки и лицо стали ужасно сильно липкими, что прямо слипались от сладости, как от столярного клея или от сладкого пчелиного мёда.

Но пресной воды рядом на бахче нигде не было, чтобы отмыть липкие руки и лицо. Тогда разрезал совершенно не спелый арбуз, чтобы мякотью не зрелого арбуза помыть лицо и руки.

Вытирал зелёной мякотью не зрелого арбуза на себе липкие места. Сам в это время смотрел, как мои друзья увлечённо, словно варвары уничтожают на бахче самые спелые арбузы.

Никто из друзей не задумывался о последствиях такого погрома арбузной бахчи, за которую придётся нам отвечать. Ведь ни дай бог, сюда приедет хозяин бахчи.

Тогда с нас точно спустят шкуру кнутом. Тут обратил внимание, что на бахче среди арбузов нет Сулима.

Осмотрел всю бахчу и увидел в кустах Вовку, он показывал мне какие-то тайные знаки своими руками. Мне его знаки были совсем не понятны. Огляделся кругом и увидел в стороне от нас за бахчой чабана, который искусно спрятался за деревом верхом на лошади и внимательно наблюдал за моими друзьями.

Друзья даже не подозревали об опасности и продолжа-

ли уродовать по всей бахче самые спелые арбузы, выдирая из них, как сердца, сочные сердцевины. Зелёными арбузами умывали свои лица.

— Абдулл! — почти шёпотом, позвал друга и показал на чабана. — Смываемся быстрее отсюда!

Абдулл шёпотом и знаками передал опасность другим пацанам. Мы осторожно стали отступать из бахчи в сторону кустов, за которыми прятался Сулим. Но Вовки в кустах не было.

Он, как всегда, вовремя смылся от опасности, а нас оставил на произвол судьбы. За что мы все попались. Мы не успели добраться до кустов в сторону Уллубиевской балки, как чабан понял, что мы хотим удрать.

Джигит выехал из своего укрытия верхом на лошади. Нас словно ветром сдуло с арбузной бахчи, где мы только что истребляли арбузы. С рёвом и криками мы мчались сквозь обдирающие нас колючие кусты чилижника.

Чабан скакал на лошади следом за нами, ловко стегал нас своим кнутом по пяткам и задницам, отчего мы взвизгивали, как поросята и подпрыгивали от каждого щелчка.

Мы мчались в сторону пресных заливов, где можно было скрыться в зарослях камыша. Когда чабан удовлетворился тем, что пощёлкал нас кнутом по задницам и по пяткам.

Затем он отпустил нас подальше от себя, достал из-за спины двуствольное охотничье ружье. Джигит метко стал стрелять в наши задницы мелкой солью. Соль так сильно жгла

наши ноги и задницы, что мы с огромной скоростью помчались в сторону пресных заливов.

Мы так сильно кричали от боли, что все разбегались от страха на нашем пути. Огромные стаи птиц в испуге метались над берегом моря и над зарослями камышей у пресных заливов.

Рыбаки в страхе бежали с пресных заливов. Наверно, люди, птицы и животные подумали, что нашу ораву задрали волки или черные медведи, которые в те годы часто появлялись вблизи городской черты, а также в камышах пресных заливов?

Однако хищники редко нападали на людей. Чаще в целях самозащиты. Хищники, намного умнее людей. В отличие от людей ни один хищник не будет гадить там, где он кормится каждые сутки.

Всей оравой, мы изодранные колючими кустарниками во время побега, с солью в задницах. Как только добежали до заливов с пресной водой, то, со всего маха, попадали в воду.

Одни наши головы было видно из пресной воды. Остальные части тела отмачивались от соли в пресной воде залива.

Чабан со злостью плюнул в нашу сторону, выругался на нас на своём языке и уехал верхом на своей лошади обратно на арбузную бахчу. Через час вернулся к нам с мешком арбузов.

– Зачем так сильно арбузы портить? Всю бахчу испортили. – сказал чабан, высыпая из мешка арбузы перед нами на

землю. – Надо было культурно сказать: «Магомет, пожалуйста, дай арбуз покушать». Магомет всегда даст арбуз. Зачем портить арбуз? Арбуз надо кушать, а не топтать ногами.

Магомет высыпал из мешка арбузы на берегу пресных заливов и поехал обратно на бахчу к лысой горе, возбуждённо размахивая руками, обсуждая сам с собой проблему испорченных нами арбузов.

Тем временем мы продолжали отмачивать свои задницы от соли в воде пресного залива. Поздно вечером мы все вернулись к себе домой. На следующий день весь Избербаш знал о наших приключениях с арбузами.

Все посмеивались над нами. Сулимов Вовка целую неделю не показывался из своей квартиры нам на глаза.

Пока мы сами не позвали его на улицу. Так закончилась наша трагическая история с арбузами на бахче.

С солью в наших задницах. Наши задницы до сих пор имеют в себе признаки былых наказаний за наши проделки не только на бахче с арбузами.

6. Динамит.

Вокруг Избербаша было много каменной породы под общим названием "известняк", который использовали на строительство и на гашение извёстки почти дедовским методом.

Просто разводили огромный костёр на камнях. Когда камни сильно нагревались и начинали потрескивать, в этот момент на камни выливали много холодной воды.

В одно мгновение камни превращались в гашеную известь, которую тут же собирали в деревянные бочки и увозили на строительный склад. Конечно, такой дедовский метод получения извёстки был малоэффективен в строительстве растущего города.

Покупать извёстку на стороне было неразумно. Всё равно, что покупать у себя на рынке собственный продукт.

Ведь вокруг города было столько много породы известняка, что из него можно было изготавливать известь в огромных количествах по современной технологии. Городской исполком не имел таких денег, чтобы построить современный завод по изготовлению извести.

В столице Дагестана вообще не рассматривали вопрос по строительству такого завода в нашем городе.

Так как почти все горы Дагестана составляли собой породы известняка. Если строить завод по изготовлению извести или цемента в одном городе районного значения.

В таком случае надо строить заводы по изготовлению извести вблизи каждого города районного назначения.

Таких городов и крупных населённых пунктом на территории Дагестана огромное множество.

Проблема с известью была первым вопросом на городском собрании, которое решили провести на стадионе между старым городом Избербаш и Новым городком.

Прямо у ворот на футбольном поле построили временную трибуну, где разместилось городское руководство. Жители

старого города и Нового городка расположились напротив трибуны прямо на футбольном поле, а также на скамейках для болельщиков вокруг футбольного поля на единственном городском стадионе.

– Товарищи! Прошу соблюдать тишину во время собрания. – громко, сказала ведущая собрания. – На повестке дня один вопрос, строительство. Собрание даёт слово председателю Исполкома, товарищу Измаилову Магомеду Исаевичу. Желающие могут подготовиться к прениям по вопросу.

Из-за стола к трибуне вышел мужчина лет сорока в европейском костюме с каракулевой папахой на голове. Магомед Исаевич налил из графина воды в гранёный стакан. Сделал пару глотков воды.

Посмотрел сурово из-под каракулевой папахи на облака, надвигающиеся к морю со стороны гор.

Затем перевёл свой взгляд на горожан, притихших в ожидании речи от председателя Исполкома.

– Товарищи! Рад с вами встретиться! – громко, сказал Измаилов, чтобы было слышно без микрофона. – У нас на сегодня на повестке дня всего один вопрос. Дефицит извести на строительстве.

– Давно пора перейти от дедовского метода к современной добычи извести, – выкрикнул из трибуны болельщиков мужчина в строительной робе. – Иначе известь на строительство закончится.

– Вот именно этот злободневный вопрос должны мы об-

судить на данном собрании. – продолжил свою речь, председатель Исполкома. – В городской казне нет таких денег, чтобы строить современный завод по изготовлению извести. Верховная власть Дагестана денег на завод не даёт. Проблема с известью и с цементом присутствует не только в нашем городе, а также во всей республике. Мне хочется, чтобы вы выступили со своими предложениями, как выйти из данной проблемы.

– У нас под ногами известняк и газ. – выступил в прениях, Степанов Николай Васильевич, сосед по нашему дому. – У нас столько много полезных ископаемых, что нам можно решить любой вопрос.

– О присутствии полезных ископаемых у нас под ногами знают все. – продолжил свою речь, Магомед Исаевич. – Но! Где взять деньги, чтобы построить завод по переработки породы известняка?

– У нас в Гудермесе терские казаки своими руками построили кирпичный завод почти сто лет тому назад. – взял слово в прениях Морозов Леонид Кузьмич, родной брат моей мамы. – Там тоже полезные ископаемые прямо под ногами. Каждые десять лет этот завод реконструируют и обновляют горожане за свой счёт и собственными руками. За свой труд горожане получают скидку в цене на приобретение кирпича в собственное строительство. Так от Старого хутора построили целый город. Здесь тоже можно сообща построить любой завод в пользу строительства нашего города.

– Лёня правильно говорит. – выступил в прениях мой отец. – "С миру по нитке – голому рубашка". Гласит мудрая поговорка. Большинство из присутствующих нуждаются в своём жилье. Если сейчас скинемся по червонцу, то хватит на целый завод. Надо провести учёт собранных денег.

– Морозов и Черевков правильно говорят, – поддержал инициативу председатель Исполкома. – Мы прямо сейчас поручим директору Сбербанка и его кассирам оформить документы по сбору денег в цивилизованном порядке. Откроем счёт в Сбербанке на строительство завода. Любой житель Избербаша и Нового городка может внести на счёт удобную ему сумму денег.

Пока деньги будут собраны, руководители города и коммунистическая партия, при помощи комсомольцев, определят место строительства завода по изготовлению извести.

Объявим объект "Комсомольской ударной стройкой", чтобы в течение летних каникул построить завод руками энтузиастов. Заключительное слово председателя Исполкома прервала гроза и сильный проливной дождь. Голосовали горожане за решение общего собрания под канонаду грома и молнии, которые оповестили о начале весны 1957 года.

В преддверии сороковой годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции. Народ Советского Союза готовился торжественно встретить знаменательную дату, с которой началась эпоха строительства светлого будущего в нашей стране. До знаменательной даты было далеко, а сейчас

надо было решать сиюминутный вопрос.

Как можно быстрее выбраться из футбольного поля городского стадиона куда-то под навес или в крытое помещение. Таким образом укрыться от проливного дождя, чтобы не промокнуть до нитки.

В эти годы крытых стадионов не было. На стадионе было всего два помещения, касса у ворот и барак, где переодевались футболисты в спортивную форму перед выходом на футбольное поле.

– Мы, что, никогда под дождём не мокли? – стараясь перекричать гром и молнию, орал на ухо мне, Сулимов Вовка. – За десять минут добежим домой, а там посушимся возле печки у себя на кухне.

Мы ни стали обсуждать данный вопрос. Всё равно от дождя нам некуда было спрятаться. На стадионе было несколько тысяч человек. Каждый старался укрыться от проливного дождя.

В то время городские и частные автомобили были большая редкость. Всех желающих в один автобус не спрячешь. На легковых машинах ещё меньше места. Так что каждый по-своему прятался от дождя.

– Давайте напрямую чесаньем в сторону Нового городка. – предложил Абдуллазизов Абдулл.

– Правильно! Говорит Абдулл. – согласился Пузан с решением друга. – Метров на сто короче будет.

Мне было всё равно как бежать. Давно весь промок до

нитки. В голове были одни мысли, это не заболеть воспалением лёгких. Меня в прошлом году с трудом вытащили с того света от затемнения лёгких.

Едва успел выкарабкаться из больничной кровати. Обрат-но ложиться в кровать никак не хотелось. Поэтому решил бежать изо всех сил, чтобы разогреться и не заболеть от простуды.

Всей оравой мчались от стадиона напрямую без дорог, словно взмыленные лошади во время скачки. Как марафонской дистанции, соревнуясь никто, не хотел уступать первенство в преодолении расстояния.

Так что меньше, чем через пять минут мы были воле своего дома и не прощаясь, разбежались по своим коммунальным квартирам, где нас ждали обеспокоенные родители.

– Боже мой! Ты весь мокрый! – с тревогой вскрикнула мама, снимая с меня мокрую одежду. – Кто вас просил идти на стадион? Можно было подумать, что без вас собрание могло не пройти.

Мама словно причитала перед покойником, растирая моё тело до красного цвета махровым полотенцем. Когда стал совершенно сухим и разогретым, мама надела на меня шерстяные носки, шерстяной свитер. Даже штаны и шапка были из шерсти. Всё это связала из шерстяных ниток моя бабушка Нюся, когда болел затемнением лёгких. Козья шерсть хорошо разогревала моё тело.

– Сейчас быстро на кухню! – приказала мама мне, когда

был полностью укутан в шерстяную одежду.

Когда прибежал из нашей комнаты на общую кухню в коммунальной квартире, то там за столом сидел Абдулл, мой друг и сосед по коммунальной квартире.

Моя мама, никогда не делала никакой разницы между детьми нашей коммунальной квартиры. Если за стол садила и дети наших соседей, то мама кормила нас всех одновременно без различия о том, кто сидит за столом.

– Сейчас выпьете по кружки какао с мёдом, со сливочным маслом и молоком. – сказала нам, моя мама, приготавливая нам лечебный напиток. – Затем быстро в свои кровати под тёплое одеяло. Вам надо хорошо пропотеть до утра, чтобы вся зараза вышла потом из вашего тела. Тогда вы будете здоровыми. Иначе мне придётся вас завтра отправить в больницу на все летние каникулы.

Нам, конечно, не хотелось все летние каникулы проваляться в больничной постели, когда у нас есть планы на всё лето. Поэтому мы беспрекословно выполнили все требования моей мамы и прямо из кухни разбежались по своим комнатам, где нас ждали тёплые кровати.

Лично меня ждала пуховая перина, с пуховым одеялом и с шерстяным покрывалом, куда меня мама укутала. Половину этого дня и всю ночь так сильно потел, что мама меняла на мне одежду каждые два часа.

В это же время мама поила меня кипячёным молоком с мёдом и сливочным маслом, чтобы вновь потел до самого

утра. Потом из моего тела выходили все болезненные микробы. Так что к утру был вполне здоров. Но так устал сильно от ночных процедур, что проспал почти до обеда.

– Молодец! Хорошо поспал! – одобрительно, сказала бабушка Нюся, когда встал с постели. – Сейчас хорошо покушай и бегом на улицу. Тебе надо больше двигаться, чтобы никогда не болеть.

Несмотря на то, что бабушка была парализована на обе ноги и самостоятельно не могла выйти на улицу. Она всё равно каждое утро просила своих детей, чтобы они вывозили её на коляске во двор в любую погоду под навес.

За тридцать лет, будучи парализованной на ноги, бабушка Нюся никогда не болела. За первые десять лет, будучи парализованной, бабушка родила двоих близнецов, Лёню и Сашу.

Затем родила дочерей, Надежду и Тамару. Всех своих детей подняла на ноги. Бабушка часто предсказывала то, что будет в скором будущем. Все её предсказания сбывались.

Поэтому к её советам часто прислушивались и с уважением относились к бабушке, как к умному человеку. Тоже не был исключением. Прислушивался к её советам. Знал прекрасно, что если бабушка сказала, то так должно быть. Иначе, зачем мы живём, если не прислушиваемся к советам.

– Мы думали, что тебя положили в больницу. – с удивлением, сказал, Сулим, когда вышел на улицу. – Абдулл сказал нам, что твоя мама устроила тебе хорошую профилактику

против болезни.

– Можно подумать, что Абдулл был в стороне. – ехидно огрызнулся ему. – Он сам подвергся процедурам со стороны моей мамы. Если бы не моя мама, то едва ли Абдулл сейчас был рядом с нами...

– Хватит вам разводить базар! – возмущённо, сказал Журавлев Виктор. – Лучше расскажите ему, чего он не знает. Можно сказать, что за прошедшие сутки, Череп проспал массу особых событий.

– Вчера и сегодня утром в Сбербанк горожане внесли почти миллион рублей. – сообщил, Сулим результат выполнения договора на городском собрании. – На такую сумму можно построить завод. Но самое главное в том, что завод будет построен на площадке между военным заводом и мысом с маяком. Как раз на нашем пути к пресным заливам. Думаю, что они зря строят там завод.

– Конечно зря! – с возмущением воскликнул Махмуд. – Завод загадит пресные заливы и нашу рыбу.

– Сулим! Тебе надо сказать своему отцу, чтобы они пересмотрели место строительства. – серьёзным тоном, сказал Сулимову Вовке. – К голосу твоего отца должны прислушаться в Исполкоме.

– Череп правильно говорит. – поддержал меня Пузан. – Твой отец давно служит в Исполкоме. Он может повлиять на окончательное решение правления городского Исполнительного комитета.

– Если с нашей стороны нужна поддержка, то мы сагитируем нашу школу в защиту природы. – добавил от себя Журавлев Витька. – Мы можем так же поговорить с администрацией военного завода. Ведь фактически вблизи военного завода будут строить завод, который будет дымить трубами.

Мы долго обсуждали наболевшую тему по строительству завода по изготовлению гашеной извести.

В течение одной недели сагитировали на свою сторону нашу школу и даже детдомовцев.

Старались как можно больше привлечь на свою сторону взрослое население. Дошли до того, что мне поручили написать лозунги и плакаты в защиту природы. Но старания наши были напрасны.

– Вы, конечно, молодцы! Природу надо защищать. – выступил перед нашей толпой председатель Исполкома, когда мы собрались с лозунгами протеста у здания городского Исполкома. – Но прежде, чем протестовать против строительства завода вблизи пресных заливов, надо во всем разобраться. Мы тоже, так же как наши дети, обеспокоены о чистоте нашего места проживания.

Поэтому мы решили построить временный завод вблизи моста через Уллубиевскую балку.

Там совершенно чистая площадка от всякой растительности. В этом месте не гнездятся птицы и не живут дикие животные.

В тоже время оттуда легче подвозить известняк на обжиг.

Никакого задымления от завода не будет. Так как обжигать породу будет природный газ, а не уголь и не дрова.

Кроме всего прочего завод будет маленький и временный, чтобы не остановилось строительство в нашем городе из-за нехватки извести.

В дальнейшем мы планируем построить большой завод вдали от города где-то на пустыре. Таким образом, окружающая нас дикая природа никак не пострадает.

– Ура! Мы победили! – в один голос завопили мы. – Мы спасли пресные заливы и дикую природу!

Магомед Исаевич с удивлением посмотрел на ликующую толпу подростков. Немного аплодировал какой-то непонятной ему нашей победе. Затем дал какие-то указания своему персональному водителю и не спеша вошёл в здание Исполкома.

Мы тоже ни стали задерживаться у здания Исполкома. Быстро свернули никому ненужные лозунги и тут же отправились по своим делам. Дел, конечно, у нас был много.

Подходил в школе к концу учебный год. Нам надо было подтянуть свои знания в учёбе, чтобы не остаться на осень или на второй год с плохими оценками.

На этот счёт у нас в школе и дома было очень строго. За плохие оценки и за плохую общую успеваемость в школе любого из нас могли лишить не только летних каникул, а даже общения между собой.

Какой родитель захочет, чтобы его ребёнок общался с

двоечником и разгильдяем по общей дисциплине. Ведь не зря гласит народная поговорка, что с кем поведёшься от того и наберёшься.

Примерно за месяц построили то, что трудно назвать заводом. Просто на новом месте соорудили огромную печь из камней с большой решёткой, на которую высыпали породу известняка.

Всё тем же дедовским методом обжигали породу газом горелками со всех сторон. Когда порода нагревалась до раскалённого состояния, то газовые горелки выключали и включали холодный душ.

Готовая масса извести просыпалась сквозь решётки вниз огромной печи, откуда известь выгружали ковшом экскаватора на самосвалы и отвозили в специальное хранилище на окраине города.

На весь процесс по изготовлению извести были привлечены всего четыре самосвала и пять человек по обслуживанию всего завода. Затраты были небольшие, но рост производства извести велик.

До летних каникул фактически известью была обеспечена вся стройка на территории города. Ко времени летних каникул у нас не было ничего интересного на территории нового завода.

Там даже забора не было, чтобы лазить на завод из-за любопытства. Мы могли свободно смотреть на процесс изготовления извёстки. Как делают известь, нам было давно из-

вестно.

Поэтому мы всего лишь один раз побывали во время строительства нового завода и больше туда ни разу не пошли. Однако нас стали привлекать к себе взрывы, которые доносились до нас со стороны гор.

Где-то там за Уллубиевской балкой в горах сделали карьер по добыче породы известняка. Взрывали динамитом породу.

Затем бульдозерами и ковшами экскаваторов грузили породу в самосвалы и вели её на обжиг к печи нового завода. Взрывы проводились регулярно в одно и то же время утром.

– Нам надо обязательно там побывать. – решительно, заявил, Сулим, когда мы собрались в своём штабе на чердаке нашего дома. – Говорят, что взрывают породу с помощью динамита и бикфордов шнур. Может быть, нам что-то удастся стащить оттуда и подорвать что-то за городом?

– Мы уже петарды и толовые шашки у железнодорожников воровали. -напомнил Пузан наши проделки прошлого года. – Ты, наверно, забыл, чем всё закончилось в сарае на садах-огородах?

– Кто боится, тот может не ходить. – сказал, Сулим на вопросы Пузана. – Мы без тебя разберёмся.

Конечно, мы не забыли, как по наводке Сулима, стащили у железнодорожников одну тормозную петарду и одну толовую шашку, которыми не могли пользоваться.

В результате чего произошёл взрыв в сарае на садах-огородах, повлёкший за собой пожар. По чистой случайности

никто из нас не пострадал.

Но в результате наших приключений сгорел наш сарай и два сарая наших соседей. Так было в прошлом году. В этом году пока ничего не случилось.

Без приключений мы не могли прожить ни одного года. Поэтому решили пойти в горы к взрывникам, чтобы там отыскать новые приключения на свою голову или на свою задницу, которая больше всех страдала от ремня.

Так как по выражению моего отца "надо головой думать, а не задницей, которая страдает от ремня". Прежде чем найти себе какое-то приключение, мы всегда основательно готовились к нему.

Так было с нами во время похода в крепости Шамиля. Так было во время поиска таинственной пещеры.

Так должно было произойти с нами и в этот раз вовремя нашего похода в горы к взрывникам.

– У нас есть только два варианта похода к взрывникам. – обратно взял на себя инициативу, Сулим, когда мы решили идти в поход. – Первый вариант, это ехать автобусом к верхнему аулу и оттуда идти пешком к тому месту, где проводят взрыв породы известняка. Второй вариант мы выберем.

– Ты нас задолбил своими выборами и вариантами! – возмутился Абдулл. – Каждый раз мы попадаем в какие-то истории из-за твоих предложений. У нас после похождения за арбузами на Лысую гору до сих пор рубцы от соли напоминают о твоих вариантах. В этот раз сами решим, как быть.

– Ну, раз вы сами решили, так за. – промямлил что-то, Сулим, себе под нос, когда мы разом показали ему свои ободранные в драках кулаки. – Вынужден прислушаться к любому вашему выбору.

– Мы пойдём испытанным путём! – решительно, сказал Журавлев Витька. – Пускай это будет трудно, но верно. Нам надо идти на звук взрыва прямо через гору Пушкина. Звук взрыва разносится на расстояние трёх километров. Такие походы нам как разминка к сложным походам далеко в горы.

– Надо пойти налегке рано утром. – добавил, свою инициативу. – Возьмём с собой лишь покусать.

– Череп правильно говорит. – поддержал меня Абдулл. – Нечего нагружать себя разными снаряжениями. Просто прогуляемся в горы на разведку, а дальше посмотрим, как там поступать на месте.

На первый же день летних каникул, мы поставили своих родителей в известность, что пойдём рано утром в Уллубиевскую балку собирать первые спелые ягоды земляники.

Таким образом, мы сняли с себя всякие подозрения со стороны родителей насчёт очередных наших приключений. Рано утром, перед рассветом, до первых петухов, в сопровождении нашего верного пса Джульбарса, мы всей оравой собрались у себя во дворе.

Как всегда, к сбору в поход опаздывал Пузан. Обратно без помощи своей мамы не мог найти свои сандалии или просто проспал к нашему сбору. Мы ни стали ждать Пузана, пору-

чили Джульбарсу дожидаться нашего общего друга, который часто делился с нашим псом своими пончиками и пирожками. Джульбарс любил такие угощения.

– Когда Пузан выйдет и угостит тебя пончиком. – шепнул на ухо нашему псу. – Тогда приведёшь его к нам. Сейчас сиди тихо и жди Пузана. Он собирает себе и тебе в дорогу много пончиков.

Джульбарс закивал головой в знак того, что понял меня. Затем лёг на землю и лапами прикрыл свою морду, чтобы от скуки в ожидании Пузана случайно не завывать или не залаять. Тогда мог сорваться наш спокойный поход в горы к взрывникам, чего мы никак не хотели показывать соседям.

– Вы, что, не могли меня подождать пару минут? – услышали мы в темноте голос Пузана, когда вышли к горе Пушкина за городскую черту. – Мне надо было собрать свою сумку в этот поход.

– Во-первых! Семеро одного не ждут! – разом выпалили мы в сторону Пузана, показывая ему свои кулаки. – Во-вторых! К любому походу надо готовиться за сутки, а не во время выхода в поход.

Пузан больше ничего нам не сказал. Только в знак примирения поделился с нами и с Джульбарсом своим вкусными пончиками, от которых мы никогда не отказывались.

Мы стали медленно подниматься по узкой тропинке к вершине горы Пушкин. Нам надо было беречь свои силы к марш-броску в сторону карьера добычи пород известняка,

взрывы которого ухали где-то в горах.

Когда мы поднялись на вершину горы Пушкин, то к этому времени рассвет со стороны моря окрасил наш город золотыми лучами солнца. В то время как Уллубиевская балка находилась в ночи.

На много дальше, чем мы предполагали, у подножия гор, поднимались клубы пыли, которые затем сопровождались звуками взрыва. Туда нам предстояло идти пару часов, чтобы всё это видеть.

– Вот видите, как далеко, а вы не хотели меня послушать. – ехидно, сказал, Сулим, показывая рукой в сторону взрыва породы. – От верхнего аула нам надо было только спуститься и за час дойти туда.

– Ты бы лучше заткнулся! – разозлился, на ехидные замечания Сулима. – Ты лучше пошевели своим мозгами. Сейчас четыре часа утра. Первый автобус в горы в шесть утра. К тому же ты забыл, что верхний аул имеет своих пацанов, которые не очень-то уважают выходки городских пацанов. Если ты без битой морды как без пряников, то мы тебе это можем прямо сейчас устроить здесь в горах.

Мы разом поднесли Сулиму свои кулаки, чтобы он заткнулся со своими выводами и замечаниями хотя бы здесь в горах вовремя нашего похода в сторону взрывников.

В знак согласия с нами и в знак примирения Сулим, поднял кверху обе руки. Мы тоже в знак примирения с ним опустили от его носа кулаки. Джульбарс довольный нашим по-

ступком радостно огласил своим лаем наш мир. Большую часть своего пути прошли легко.

Просто спускались с вершины горы Пушкин в сторону Уллубиевской балки. Затем вдоль Уллубиевской балки шли к подножию горы, где утром подрывники проводили взрыв породы.

Возле карьера мы осторожно спрятались в кустах, чтобы посмотреть, что происходит внизу, где копошатся бульдозеры и снуют гружёные породой самосвалы.

– Пацаны! Посмотрите, что нашёл! – услышали мы голос Пузана из глубины кустов, куда он пошёл освобождать свой желудок к новому поедания своих пончиков. – Здесь целый склад боеприпасов.

Мы разом рванули в сторону кустов, где Пузан что-то нашёл. Затыкая свои носы от запаха того, что оставил Пузан в кустах опорожня свой желудок, мы увидели кусок зелёного брезента, который служил маскировкой того, что находилось в кустах.

Под брезентом находились военные ящики зелёного цвета. Мы открыли несколько верхних ящичков и обалдели от того, что увидели там. В каждом ящике были шашки динамита и бикфордовы шнуры.

Здесь действительно был целый арсенал или склад боеприпасов. Видимо подрывники натаскали сюда взрывчаток для того, чтобы каждый раз не привозить взрывчатки с города.

Никому из подрывников в голову не могло прийти, что пацаны могут сюда прийти. Ведь отсюда до города по горам километров пять. Ближайший аул в горах тоже находится на большом расстоянии от места взрыва породы. Место надёжное.

– Мы вот что сделаем. – обратно взял, на себя инициативу Сулим. – Если мы возьмём снизу из ящика одну упаковку динамита и один бикфордов шнур в рулоне, то никто не обнаружит пропажу.

– Эту пропажу нанюхают издалека! – смеясь, сказал Абдул. – Пузан так всё здесь наметил, что его присутствие обнаружит даже обычный человек, не сыщик. Дальше анализы приведут к Пузану.

– За сутки тут ничего не будет. – в свою защиту, возразил Пузан. – Навозные жуки и мухи всё съедят и растащат в разные стороны. Давайте лучше думать, как будем нести динамит, ведь он тяжёлый.

– Мы сделаем так. – внёс своё предложение. – Каждый из вас возьмёт в каждую руку по одной пачки динамита. После съеденных пончиков у Пузана пустой рюкзак. В рюкзак мы положим остальные пачки динамита. Возьму на себя бикфордов шнур в рулоне и пустую коробку из-под динамита. Мы не должны оставлять никаких улик после себя.

Пустую коробку из-под динамита, сожжём под автомобильным мостом в Уллубиевской балке.

В знак конспирации, на случай если обнаружат, что про-

пал динамит и бикфордов шнур, мы сейчас спустимся к пресным заливам. Там спрячем на время динамит и бикфордов шнур. Затем сделаем паузу на несколько дней. Понятно?

— Вообще-то всё понятно. — за всех ответил Абдулл. — Вот только одно не понятно. Зачем сжигать коробку из-под динамита? Если мы коробку вынесем в безопасное место. Лучше обратно в коробку положим шашки динамита и бикфордов шнур. Затем всё это замаскируем в нашем месте.

— Вообще-то Абдулл правильно говорит. — согласился Сулим. — Так динамит и бикфордов шнур сохранятся надолго. Мы пока сами не знаем, как нам поступать с данными боевыми запасами.

Мы так и сделали, как решили. Разобрали пачки динамита. Обмотал рулон бикфордова шнура обрывком ткани, висевшей вдали на кустах. Иначе пропитанный смолой бикфордов шнур мог натереть мне шею до крови.

Рулон бикфордова шнура был, намного тяжелее, чем предполагал. Но отступить было некуда. Надо двигаться быстрее в безопасное место. Пока нас здесь не увидели.

Под прикрытием густых зарослей кустарника мы осторожно спустились в Уллубиевскую балку и обалдели от того, что увидели.

Все полянки в Уллубиевской балке были буквально засыпаны спелыми ягодами земляники.

В этом году была ранняя весна с обильными дождями и начало лета сильно жаркое. Так что всё в природе было для

того, чтобы быстро созрели ягоды земляники.

– Может быть, бросим к чёрту этот тяжёлый динамит и наедемся земляники? – взмолился Пузан, при виде спелых ягод земляники. – Всё равно через неделю земляника кончится, а сейчас вот.

– Ты лучше сейчас помолчи и топай быстрее в безопасное место! – заорал на Пузана, Сулим. – Нам ещё не хватало, чтобы нас застукали с динамитом на полянках зрелой земляники. Топай быстрее!

Никто из нас ни стал вступать в спор Сулима и Пузана. Каждый из нас во время продвижения вниз по Уллубиевской балке успевал набивать свой желудок спелыми ягодами земляники.

Так что пока мы добрались до пресных заливов, то по нашему виду было заметно, что мы побывали на земляничных полянках. С головы до ног мы были испачканы пылью и соком спелых ягод земляники. Своим видом дома мы могли показать себя, что были там, где должны быть, как говорили.

– Хорошо, что сегодня никого нет на пресных заливах. – сказал Абдулл, когда мы дошли до своего потайного места, о котором никто не знал, кроме нас. – Сейчас есть время спрятать динамит и искупаться. Надо помыться хорошо, а то на нас издали невозможно смотреть. Прямо как дунгус.

– Вот мыться как раз нам не надо. – возразил ему. – Пускай все видят, что мы целый день провели на земляничной поляне. Таким образом, у нас перед милицией и перед роди-

телями будет сто процентное алиби, что мы целый день провели за поеданием спелых ягод в Уллубиевской балке.

– Нам надо было хоть немного взять домой с собой спелых ягод земляники. – простонал Пузан. – Тогда бы мы точно могли доказать родителям, что там были спелые ягоды, а ни грязь на нас.

– Мы ведь изначально говорили родителям, что идём налегке на разведку, чтобы посмотреть, что там поспело. – стал возражать Абдулл в знак оправдания. – Никто из нас не знал о спелых ягодах.

– Ладно! Хватит вам спорить! – вмешался в спор, Сулим. – Давайте быстрее спрячем боеприпасы.

Поставил пустую коробку в расщелину между камней. Друзья быстро положили в коробку пачки динамита. Сверху положил бикфордов шнур. Коробку закрыли.

Затем забросали всё это место камнями, писком и сухим мусором из моря на месте бывшего прибоя. Со стороны наше место захоронения выглядело так, что словно после шторма от моря на камнях много разного мусора.

– Порядок! – радостно, сказал, Сулим, когда мы убедились в нашей конспирации. – Теперь домой!

Домой мы пошли не со стороны пресных заливов, а со стороны Уллубиевской балки.

По пути набрали в свои фуражки спелой земляники. Таким образом, у нас было сто процентное алиби, что весь день мы были на земляничных полянах в Уллубиевской балке, а

не где-то в другом месте.

– Боже мой! На вас страшно смотреть! – вплеснув руками, воскликнула моя мама. – Сейчас же быстро во двор под кран! Вас таких грязных в дом не пущу. Хорошо отмойтесь и сразу за стол кушать.

– Кушать мы не хотим! – крикнул, выбегая следом за Абдуллом на улицу. – Объелись земляникой!

В те годы в квартирах не было кранов с водой на кухне. Все пользовались общей колонкой с пресной водой в общем дворе между домами. Там же от грязи отмывались дети. Там из колонки пили воду домашние животные. Банный день был по выходным дням. На этот случай была общая городская баня, в которой были отдельно женские, мужские и семейные кабины с парилкой. После того как орава с нашего дома наплескалась во дворе под колонкой с холодной водой до посинения.

Мама загнала меня, и Абдулла обратно домой. Вначале мама растёрла нас до красного тела махровым полотенцем.

Обоих переодела и силой усадила нас за стол на кухне, где вкусно пахло галушками из теста с говядиной и с курдючным салом от барашка, заправленным тёртым чесноком.

Такая пища нам была вкусной и полезной от возможной простуды после холодной воды, в которой только что мы плескались во дворе под колонкой до самого посинения в теле.

Почти целую неделю наша орава ловила рыбу и купались в

пресных заливах вблизи нашего захоронения динамита с рулоном бикфордова шнура. Мы все ждали, что взрывники заметят пропажу коробки динамита и рулона бикфордова шнура.

Но всё было тихо, словно вообще ничего не случилось с пропажей в карьере в горах. Там всё также по утрам бухали взрывы, а в течение дня самосвалы возили породу к заводу на обжиг. Вся наша жизнь протекала в обычном режиме.

– Всё! Пора заниматься делом. – сказал, Сулим, когда мы собрались у пресных заливов. – Сейчас в самый раз применить динамит к глушению рыбы. Посмотрите, какие огромные косяки кефали ходят в море и в пресных заливах. Сеток рыбацких у нас нет, а на удочку кефаль не ловится.

– Ты, что, совсем отупел! – заорал Абдулл на Сулима. – Мы не дадим тебе губить пресные заливы!

– Абдул правильно говорит! – поддержал, своего друга. – В пресных заливах много редкой рыбы. Там же гнездятся разные водоплавающие птицы. Зверья в камышах больше людей в городе.

– Да вы что! Обалдели что ли? – закричал на нас, Сулим в свою защиту. – У меня даже в голове не было взрывать динамит в пресных заливах. Есть рядом в открытом море такое место между пятой и четвертой каменной грядой. Там проходящая морская вода, в которой много бершей, судаков и кефали.

Такую рыбу тоннами ловят сетками на баркасах. Каспий

от нашего взрыва не обеднеет на такую рыбу.

Мы всего лишь один раз бабахнем динамитом. Затем соберём рыбу и все наши дела.

– Как ты собираешься доставить динамит в море между каменными грядами, если у нас нет лодки? – поинтересовался Абдулл. – Может быть, ты на себя прицепишь наши шашки с динамитом?

– Нет! Сулим этого делать не будет. – подколот, Сулима. – На эти цели у него имеется Пузан. Он давно имеет интерес на жирного Пузана. Ещё в поисках пещеры брал Пузана с собой на мясо.

– Тут разу двух зайцев убьёт. – добавил Махмуд. – Точнее рыбу и Пузана будет глушить на обед.

– Не хочу в море! – завопил Пузан, который шуток не понимал. – Не хочу, чтобы меня глушили!

– Да никто тебя глушить не собирается! – успокоил, Сулим, Пузана. – Вы забыли, что в камышах на пресных заливах есть заброшенная кем-то дырявая лодка. Мы вытащим эту лодку из камышей на сухое место за мыс. Там она высохнет за пару суток при жарком солнце.

Затем мы её подремонтим на одно плавание. В тихую погоду рано утром, до рассвета, выгребем между каменными грядами. Там сразу весь динамит как бабахнем! После останется нам собирать оглушённую рыбу.

Мы без интереса слушали выводы нашего друга, так как заранее знали, что обратно вляпаемся в какое-то приключе-

ние, за которое нам могут всыпать по полной программе.

– Чувствует моя душа, что с твоими прогнозами мы опять вляпаемся в какую-то грязную историю. – с тревогой, сказал Журавлев Витка. – Если мы выживем из очередной истории, придуманной тобой, то, как делают дикари со своими врагами, мы зажарим тебя на костре и скорми тебя Пузану.

– Да вы что пацаны! Не буду кушать Сулима! – взмолился Пузан. – Он всё-таки мой друг, а не враг.

– Вот как раз друзья бывают вкуснее, чем враги! – смеясь, сказал Абдулл. – Врагов называют часто вонючими шакалами, которых никто не ест. В то время как друзей называют сладостью жизни.

– Ладно! Хватит вам подкалывать Пузана. – вмешался в затянувшиеся приколы между друзьями. – Иначе от расстройств он сильно похудеет. Тогда нам не хватит мяса на всех во время опасного приключения вдали от людей. Надо беречь Пузана, таким как он, есть, чтобы было, что съесть.

Друзья хором стали смеяться над моей шуткой и дружелюбно тискать Пузана в своих объятьях. Пузан так растрогался от нашего внимания к нему, что даже пустил слезу.

Мы с трудом успокоили нашего друга и тут же перешли к главной проблеме. Пошли в камыши на пресных заливах и оттуда вытащили на берег полузатонувшую рыбацкую лодку, которую принесло штормом из моря.

Нам понадобилось целую неделю на просушку и на ремонт дырявой лодки. Когда лодка была готовой, то мы натащали

с городской стройки куски смолы.

Разожгли рядом с лодкой костёр. На костре в ведре растопили смолу и просмолили горячей смолой все швы отремонтированной нами большой рыбацкой лодки.

Теперь мы могли спокойно осуществить задуманную операцию. Но у нас не было весел, чтобы управлять большой лодкой. Пришлось стащить со стройки несколько половых досок.

Из досок мы сделали примитивные весла, которыми можно было управлять лодкой на небольшое расстояние в море между каменными грядами. Наступил наш день.

– Как вы всё прекрасно понимаете, что такое может быть лишь однажды? – опять Сулим, взял на себя инициативу. – То мы должны взорвать весь динамит сразу и получить одно удовольствие.

– Утонуть оравой на виду всего города. – как всегда прикололся Абдулл. – Помирать, так помирать!

– Ты чего плетёшь!? – возмутился Сулим. – У нас так много бикфордова шнура, что можно взорвать на расстоянии. Достаточно будет времени, чтобы поджечь шнур и отплыть в безопасное место.

После долгих споров мы всё-таки пришли к такому мнению, что глушить будем рыбу только один раз. Так как у нас в коробке было десять пачек динамита, то мы разрежали бикфордов шнур на десять кусков.

У нас получилось, примерно, по метру на запал динамита.

Никто из нас толком не знал, сколько времени горит один метр бикфордова шнура.

Но мы были уверены, что этого шнура нам вполне хватит, чтобы поджечь шнур, бросить коробку с динамитом в море и на шестерых вёслах быстро уйти от опасного места в пресный залив или хотя бы за каменную гряду.

Мы вначале воткнули в каждую пачку динамита бикфордов шнур. Затем коробку с динамитом и концы бикфордова шнура обмотали и закрепили вместе. Вывели концы бикфордова шнура в сторону от коробки с динамитом.

Положили готовую взрывчатку на дно лодки и стали выгребать в море. Точнее, из пресного залива в сторону каменных гряд, которые находились в открытом море.

Гребли мы в намеченное место ни так быстро, как нам этого хотелось. Лодка была слишком большая, чтобы управлять обычными досками вместо весел.

К тому же постепенно море после штиля начало волноваться и менять своё течение то в одном, то в другом направлении. По этой причине вместо запланированных десяти минут мы выгребали к каменным грядам полчаса.

– Дальше не поплывём! – сказал Абдулл, когда мы устали гребти. – Нас всё равно сносит обратно.

– Здесь большая глубина. – согласился Сулим. – Давайте запалим шнур и сразу выгребем отсюда.

– Ты держи коробку с динамитом, а подпалю шнуры. – сказал Абдулл, мне, подавая коробку с динамитом.

– Одной спичкой все шнуры не подожжёшь. – подсказал, Абдуллу. – Запали вначале кусок скрученной газеты. Затем поднеси огонь к концам бикфордова шнура и постарайся запалить всё сразу.

Абдулл так и поступил, как просил. Он тщательно закрутил конец газеты в трубку. Затем поджог газету сразу несколькими спичками. Скомканная газета, раздуваемая лёгким ветерком, тут же вспыхнула сильным огнём.

Абдулл обжигая мне и себе руки, поднёс огонь к концам бикфордова шнура, который никак не хотел загораться разом во всех концах. У нас в лодке началась паника.

– Череп! Быстрее бросай динамит в воду! – заорал на меня, Сулим. – Иначе мы взлетим от взрыва.

Не раздумывая, тут же бросил коробку с динамитом в морскую воду. Оттого что лодка освободилась от тяжести, её сильно качнуло. В результате чего из лодки выпали сразу три доски.

Грести стало меньше наполовину. Морское течение между каменными грядами сменило своё направление. Мы гребли против течения и фактически не продвигались от места возможного взрыва.

Жизнь словно повернулась вспять. Всё шло к тому, что мы должны были взорваться. Никому неизвестно, как можно измерить время, которое теряет контроль в твоих действиях.

У меня под ногами произошло нечто такое, что никак нельзя объяснить, так как этого ранее не ощущал. Мне по-

казалось, что не масса морской воды, а сам земной шар поднялся под моими ногами, словно дикая лошадь мустанг под ногами джигита.

Вместе с лодкой и с друзьями меня выбросило так высоко, что с высоты своего полёта увидел наш Новый городок, который мы никогда не видели вовремя своей рыбалки с этого уровня морской воды между каменными грядами. К нашему счастью, нас не разорвало на мелкие кусочки от мощного взрыва динамита по нескольким причинам.

В первую очередь по той причине, что здесь между грядами была очень большая глубина. Во-вторых, у нас была большая рыбацкая лодка, пробитая досками и пропитанная смолой.

К тому же нам просто крупно повезло, что взрыв был под лодкой, нас просто подкинуло. Радоваться было нечему. От мощного взрыва наша лодка рассыпалась на отдельные доски.

Место взрыва было на значительном расстоянии от берега. Спасать нас было некому и не на чём. Здесь у пресных заливов никогда не было лодок.

Так как вдали от города лодки могли украсть пацаны из аула и колхоза Буйнак, который находился на берегу другой стороне мыса вдали от Нового городка.

Иногда паника приходит нам на помощь во время опасности. Никто из нас в то время не был классным пловцом. Мы были обычными пацанами, которые просто живут возле

моря.

Но в тот момент, мы проявили такую прыть, что любой спортсмен мог позавидовать нашей скорости во время плавания. Мы быстро гребли руками и ногами в сторону берега, словно моторные лодки.

За десять минут преодолели то расстояние, которое только что проплыли на лодки за полчаса. Едва достигнув берега, мы, тут же не сговариваясь, побежали на другую сторону пресных заливов и словно перепуганные лягушки спрятались в густых зарослях камышей.

Мы словно предчувствовали собственными задницами, а не мозгами, что наши подвиги и приключения заслужили порки.

Нам надо было где-то временно отсидеться, пока Новый городок успокоится от взрыва.

Наши опасения не были напрасны. Едва мы успели скрыться в густых зарослях камышей далеко от места взрыва, как вскоре на возвышенности между военным заводом и новым заводом стали появляться люди.

Наверно, взрыв был такой мощный, что было слышно даже в Новом городке? Мы мощность взрыва ощутили на себе. Были в таком состоянии, словно нас контузило взрывом.

Хорошо, что мы вообще не потеряли сознание во время взрыва и смогли сами себя спасти. Теперь надо было прийти в себя и спасти от порки собственные задницы за наши похождения.

Поэтому мы сидели в камышах в воде по самую шею и издали наблюдали за тем, что происходит на месте наших подвигов. Куда собирались не только любопытные люди, а даже прибыли из рыбацкого колхоза два катера, чтобы отыскать возможные трупы на морском дне между камней.

Сидели в камышах так долго, пока окончательно пришли в себя после оглушения мощным взрывом. К этому времени паника на месте взрыва утихла.

Рыбаки на лодках и любопытные горожане выгребли всё то, что было на месте взрыва динамита. Они собрали все наши трофеи. Нам не оставили ни одной глушеннй рыбы, которой было так много, что мы, спасаясь плыли между рыбами.

– Ну, Сулим! Зараза! Сейчас мы тебя зажарим на костре! – заорал Абдулл на Вовку, когда пришёл в себя. – Мы из-за тебя едва не погибли. Ты нас окончательно достал постоянными выдумками.

– Пацаны! Да вы что! Серьёзно будете меня жарить? – всполошился, Сулим не на шутку, когда мы взяли его в кольцо. – Ведь не спрятался за ваши спины. Был рядом с вами во время опасности.

– Ты постоянно мечтал съесть Пузана. – серьёзным тоном, сказал ему. – Теперь очередь за Пузаном. Когда тебя зажарим, то самый сочный кусок твоей задницы отдадим Пузану. Пускай наслаждается.

– В таком случае зажарьте меня вместе с ним. – жалобным

голосом, сказал Пузан. – Не буду, есть мясо своего друга. Вы можете подавиться нашими жареными задницами или скормить нас рыбам. Но всё равно никогда не предам своего друга, чего бы плохого вы не говорили о нём.

– Вот видишь, какой преданный у тебя друг! – тыча пальцам в Пузана, сказал Сулиму. – А ты хотел его съесть в пещере, когда мы заблудились и чуть не умерли с голоду. Ты должен ценить своего друга. Мы даруем тебе жизнь благодаря твоему другу. Ты должен носить его на руках.

– Нет! Лучше смертная казнь! Но, ни это! – взмолился Сулим. – Он, тяжелея меня. Его не осилю.

Мы больше не выдержали такого прикола, который был принят Пузаном и Сулимом всерьёз. Мы разом стали смеяться и показывать на них пальцами. Пузан и Сулим вначале были удивлены и обескуражены.

Но затем пришли в себя и стали смеяться вместе с нами, показывая друг на друга пальцами. Мы так громко смеялись, что стаи птиц, привыкших к нам, всполошились, стали в панике носиться над пресными заливами. Нам надо было успокоиться и быстрее уходить с этого места.

– Шутки шутками, но нам надо как-то выйти из данного положения. – серьёзным тоном, сказал.

– В данном случае спелой земляникой не обойдёшься. – размышляя, сказал Журавлев Витка.

– Но всё равно Уллубиевская балка может послужить нам доброе дело. – подсказал Абдулл. – Мы сейчас пройдем че-

рез Уллубиевскую балку к вершине горы Пушкина и там соберём спелый кизил.

— Думаю, что такой вариант пройдёт. — поддержал Абдулла, Махмуд. — Мы там покрутимся на виду у всех. Затем спустимся в сторону города и с той стороны по трассе пройдем в Новый городок.

— Прекрасно придумано! — согласился с друзьями. — Наше появление в центре города останется замеченным. Стрельниковы тут же сообщат на работу моему отцу, что видели меня в городе в вашем окружении. Пока отец будет выводы о наших очередных подвигах с подачи двух братьев, к этому времени весь

Новый городок будет знать, что в этом году удался хороший урожай кизила. Мы так и сделали, как договорились. Во второй половине дня, мы вшестером измазанные с ног до головы соком ягод кизила, ободранные до крови колючками от кустов кизила.

Как ни в чём не бывало нарисовались в центре города, на зависть двух братьев, рядом с домом Стрельниковых. Прошел, мимо двух братьев так, словно не заметил их присутствия.

Вовка и Витька тут же побежали в фотомастерскую к моему отцу, чтобы доложить ему, что обратно в кругу плохих пацанов. На этом закончилось наше очередное приключение, которое долго обсуждали жители Нового городка.

Говорили о непонятном сильном взрыве, а также о гибели

большого количества рыбы. Негласно объявили о вознаграждении тому, кто подробно расскажет о происшедшем взрыве между четвертой и пятой грядой далеко в море за пресными заливами.

Мы на данное объявление подкалывали друг друга, что на своём рассказе о наших приключениях можно хорошо заработать.

Часть- 2. Поездки с отцом.

1. Сулак.

Сколько помню отца, всюду, где мы жили, отец состоял в разных общественных и государственных организациях, а также в союзах рыболовства и охоты. Так же было в Дагестане.

Когда мы переехали жить в Избербаш, отец тут же отправился регистрироваться в союз рыбаков и охотников. Ни сказал бы, что отец был заядлым рыбаком. Так себе лишь для корочки, что числится в союзе рыбаков, иногда выходил на рыбалку или ходил на общее собрание охотников и рыбаков.

Всё остальное время рыболовные снасти отца гнили где-то в кладовке или валялись в нашем сарае на краю города. Отец редко давал мне пользоваться своими рыболовецкими снастями.

После знакомства с дядей Витей Ложниковым, у меня рыболовецкие снасти стали лучше, чем у моего отца. В отличие

от рыбалки, мой отец был страстным охотником.

Когда начинался сезон охоты на местную дичь, отец в выходные дни был на охоте в горах или возле моря подальше от города. Часто ездил с отцом на охоту. У меня хорошо получалось стрелять по дичи.

Редко, когда промахивался. Отец всегда ставил меня в пример перед другими охотниками, которые часто возвращались домой с охоты без дичи. В то время как мы с отцом всегда были с разными охотничьими трофеями.

Откровенно говоря, больше любил рыбалку, чем охоту. Мне жалко было убивать дикую птицу или диких животных. Ради спортивного интереса любил стрелять из ружья по мишеням или по банкам.

Отец ставки делал на мою стрельбу по мишеням и по банкам. Со временем научился стрелять из ружья пулями по горящим свечам так, чтобы, не задевая пульей свечи потушить огонь на фитиле свечи.

Мы с отцом часто выигрывали разные соревнования по стрельбе из ружья. В те послевоенные годы, с уважением относились к инвалидам и ветеранам Великой отечественной войны.

Героев прошлой войны ставили в пример молодым и продвигали в должности. Ветераны и особенно инвалиды войны занимали посты руководителей производства, местной власти, а также разных партийных, профсоюзных и общественных организаций.

Больше продвижением по должности среди ветеранов и инвалидов войн пользовались образованные люди.

Отец Сулимова Вовки, инвалид и ветеран войны, был председателем городского совета в Избербаше.

Отец Журавлева Витьки был главным инженером на военном заводе. Среди наших родственников многие ветераны войны были на разных руководящих постах.

Мой отец не имел высшего образования. Однако, как инвалид войны второй группы, а также как ветеран войны, отец занимал высокие посты в общественных организациях.

Отца часто выбирали председателем союза охотников и рыбаков на территории Избербаша, а также в комитет рыбаков и охотников Дагестана.

– Шурка! Готовься! На следующей неделе мы едем с тобой за Махачкалу дежурить на реку Сулак. – объявил отец, перед летними каникулами. – Там не хватает рук добровольцев перед браконьерами на осётра. Сейчас осётр идёт нереститься в верховья Сулака, а браконьеры промышляют на реке.

Вообще-то в те годы насчёт ловли осётра и севрюги было очень строго. Лицензию на ловлю ценной рыбы давали только рыболовецким колхозам и то под присмотром милиции, а также специальной охраны со стороны добровольцев общественных организаций по защите ценной рыбы, диких животных и птиц, которых в прикаспийской низменности Дагестана было очень много.

Браконьеров наказывали огромными штрафами, а также

длительными сроками заключения. Вплоть до высшей меры наказания, то есть к расстрелу.

Однако, не смотря на строгий закон к браконьерам, возле Каспия всегда процветало браконьерство. Все говорили, что без рыбы и без дичи невозможно жить рядом с морем.

Поэтому тайком охотились и рыбачили все без исключения. В каждой семье можно было увидеть за праздничным столом чёрную икру, балык из осетрины или мясо из разной дичи.

В каждой семье были пуховые перины, подушки и одеяла из пуха местной дикой птицы. На колхозном рынке из-под прилавка можно было купить всё, что водится в море, на суше и в воздухе здешних мест.

Обычная дичь и обычная сушёная рыба были в каждой семье. Когда начинался нерест осетровых рыб, браконьеры ночью выходили в море ловить осётров и севрюг с икрой.

Глушить осетровую рыбу взрывчаткой нельзя. Говорили, что от взрыва мясо осётра травится. Становится не пригодной к употреблению в пищу. Кроме того, от взрыва брюхо осётра лопаётся.

Икра выбрасывается наружу. Поймать икру в морской воде практически невозможно.

Во время нереста, осётра ловили ради чёрной икры. Вспарывали живот осётра. Забирали из внутренностей осётра или севрюги чёрную икру.

Сами туши осётра и севрюги выбрасывали в море. Так как

громадного осётра и севрюгу невозможно не заметно пронести домой.

В то время как чёрную икру можно принести домой в чём угодно или при опасности спрятать в море и в песке. Часто оравой ночам мы выслеживали браконьеров.

Вылавливали в море брошенную осетрину и севрюгу. Бывало, что воровали у браконьеров спрятанную чёрную икру в море или в прибрежном песке.

Носить добычу домой мы не могли. Так как за такую добычу могла пострадать семья вовремя контрольной проверке по городу. Нам тоже могло достаться от родителей за такую добычу.

Поэтому мы из добытой осетрины или чёрной икры готовили себе на природе разные деликатесные блюда, а то вообще ели чёрную икру и мясо осётра, как обычную икру или обычное мясо.

Отец строго настрого приказал мне держать язык за зубами, чтобы ни одна душа не узнала о том, что мы с отцом едем караулить нерест осетровых в устье реки Сулак или даже отлавливать там браконьеров.

Отец опасался, что нас могут караулить браконьеры на выезде из Избербаша или за Махачкалой на спуске к реке Сулак. Но так как в небольшом населённом пункте, как Новый городок ничто нельзя было спрятать от людских ушей и людских глаз.

Так мы с отцом специально пустили слух. О нашей поезд-

ке в гости к родственникам в Чечню. Отдохнуть там, на одну неделю.

— Ты долго в гостях не засиживайся. — наставляли меня друзья перед отъездом. — У нас много дел на пресных заливах и в горах. За лето надо успеть, всё сделать и отдохнуть хорошо на каникулах.

— Да мне вообще нечего делать в Чечне. — набивая себе цену, лукаво сказал друзьям. — У нас в Старом хуторе двоюродные братья и сестры младше меня. Мне с мелюзгой возиться совсем неинтересно. Все мои друзья здесь в Новом городке. Не поехал бы. Но отец и мама настаивают, чтобы съездил к родственникам. После рождения близнецов мы редко стали ездить к родичам.

Друзья больше ничего ни стали говорить мне на дорогу. Оставили меня в покое. Последние два дня перед отъездом мы с отцом готовили охотничьи и рыболовные снасти втайне от всех.

Как бы по хозяйству заперлись у себя в сарае за городом. Набивали там порохом, дробью, пулями и картечью патроны ружьям.

Тогда готовые патроны к ружью купить было дорого и полный дефицит на охотничье снаряжение. Поэтому отец изготавливал дробь, картечь и пули. Помогал отцу насыпать в патроны порох. Затем отец набивал патроны разными зарядами со специальными пыжами. Стараясь не вызывать ни у кого подозрения своим ранним выездом из Нового городка.

Мы уехали на инвалидном драндулете тогда, когда все выезжали в рабочий день утром на работу. Соседи знали, что у нас есть родственники, в Махачкале и в Каспийске.

Поэтому отец сказал, что мы, вначале заедем к ближним родственникам на один день, а завтра поедem к родичам в Гудермес. Мы и в правду вначале заехали в гости к родственникам в Каспийск.

Во второй половине дня прибыли к родственникам в Махачкалу. Там заночевали у родственников. Видимо отец не хотел испортить себе удовольствие с дежурство на реке Сулак. Поэтому в гостях у родственников выпил всего лишь по рюмке водки. К утру следующего дня отец был трезвым и готовым к поездке.

– Мы вначале заедем в рыболовецкий совхоз рядом с аулом Сулак. – сказал отец, когда мы выехали рано утром за пределы Махачкалы. – Надо узнать, как там с обстановкой насчёт нереста осетровых рыб. Затем оттуда выдвинемся в засаду к устью Сулака. Посмотрим издали на нерест.

До аула Сулак дорога прекрасная. Асфальтированная трасса кавказского назначения. Наш драндулет распугивая треском своего двигателя окружающую среду.

Как инвалид дёргается во все стороны и спешит по склону асфальтированной трассы в сторону устья реки Сулак. Отец едва успевает выворачивать драндулет из-под колёс проезжающих по трассе больших автомобилей.

Не доезжая до реки, мы сворачиваем в правую сторону и

выезжаем на просёлочную дорогу.

Здесь много ям, бугров и разных расщелин в помятой извилистой ленте просёлочной дороги.

Отец, словно ювелир, ведёт свой трёхколёсный драндулет между рвов и ухабин. Стараясь не попасть в глубокую яму вдоль дороги или не натолкнуться ведущим колесом драндулета на камень.

– Всё! Приехали! – в сердцах, сказал отец, когда мы уткнулись передним колесом драндулета в расщелину между камней, примерно, в ста метрах от поворота к воротам совхоза. – Дальше пойдём пешком. Здесь близко. Скажу пацанам из совхоза, чтобы они убрали наш драндулет в сторону от проезжей части дороги. Никто наш транспорт тут не возьмёт. Отсюда поедem обратно.

Отец ещё долго бурчал что-то себе под нос, вытаскивая из драндулета свои охотничьи и рыболовные снасти. Мне некогда было слушать отца. Прекрасно знал свои обязанности.

За мной были закреплены мои рыболовные снасти, вещь мешок и одно охотничье ружье. Это была огромная тяжесть мне десятилетнему пацану.

Но никогда не хныкал перед своим отцом, героем и инвалидом войны с фашистами. Мне хотелось быть таким же сильным и терпеливым, как мой отец.

– Ты можешь не спешить. – посочувствовал мне, отец. – Дальше речки дороги нет. Пойду вперёд. Определюсь с обстановкой на месте. Надо найти у реки председателя рыбо-

ловецкого совхоза.

Отец ушёл вперёд и вскоре скрылся в предрассветных сумерках в густом тумане в сторону реки. Решил немного расслабиться с дороги во время поездки на драндулете.

Поэтому ни стал на себя цеплять все свои снаряжения. Перетаскивал частями вещь мешок с удилищем и охотничье ружье с патронташем.

Прекрасно знал, что в такую рань вдали от населённого пункта никого нет. Однако ошибся со своими выводами насчёт пустого места на природе.

Не прошло и десяти минут моего передвижения от драндулета в сторону реки, как от ворот совхоза послышался лай сторожевых собак. Наверно, собаки встречали моего отца?

Сейчас эти собаки примчатся ко мне. Мне хорошо было известно, что кавказские сторожевые овчарки на сидячих людей и животных никогда не нападают. Поэтому сел на траву у дороги и стал ждать прихода сторожевых собак. Собаки ни заставили себя долго ждать.

Едва только расслабился на траве у дороги, как в мою сторону стали бежать четыре кавказские овчарки, а следом за ними пацаны возрастом старше меня.

Через секунды был окружён собаками и пацанами. Собаки вначале облаяли меня со стороны.

Затем собаки приблизились ко мне вплотную. Стали обнюхивать и определять опасность.

Убедившись в том, что не опасен, кавказские овчарки се-

ли вокруг меня в позе защиты меня от возможного нападения на меня и на них врагов со стороны.

К этому времени ко мне подошли местные пацаны. На своём языке пацаны приказали собакам отойти от меня. Когда собаки ушли за кольцо моего окружения, местные пацаны стали приветствовать меня на своём кавказском языке.

– Здравствуй, кунак! – стали говорить со мной на русском языке местные пацаны, когда убедились в том, что не знаю их языка. – Давай мы поможем тебе донести твои вещи до нашего совхоза.

Ни стал возражать насчёт помощи. Обменявшись с мальчишками приветствиями и знакомством, уступил им свои вещи и налегке пошёл следом за своими добровольными носильщиками.

Навстречу нам со стороны совхоза вышли четверо взрослых здоровых парней. Сразу было видно, что эти парни по просьбе моего отца уберёт наш драндулет с дороги, чтобы машины могли ездить по просёлочной дороге.

Наверно, перенесут драндулет в обратную сторону, чтобы мы после дежурства на берегу моря могли обратно без проблем уехать на своём драндулете домой?

– Вот и мой наследник явился! – радостно, сказал отец, представляя меня упитанному мужчине.

– Ну, что, кунак! Давай знакомиться! – дружелюбно улыбаясь, сказал мужчина, протягивая мне руку.

– Меня зовут по отцу Александр Сергеевич! – шутя, ска-

зал, по-деловому протягивая руку мужчине. – Можно просто Шурик! Так легче будет общаться. Не люблю фамильярности с друзьями.

– Однако ты не по возрасту шутник! – слегка пожимая мне руку, вытаращив от удивления глаза, произнёс мужчина. – Не буду называть себя по отчеству. Всё равно ты не запомнишь. Называй меня просто Абдулл. Думаю, что тебе такое имя будет легко запомнить. Будем с тобой на равных.

– У нас в коммунальной квартире живёт мой самый лучший друг Абдуллазизов Абдулл. – радостно, сказал упитанному мужчине по имени Абдулл. – Теперь у меня есть два друга по имени Абдулл.

– Два самых лучших друга по имени Абдулл! – поднимая к небу указательный палец, подтвердил мой новый друг по имени Абдулл. – С этого времени ты всегда мой желанный гость в моём доме.

– Мы тоже будем рады принять тебя у себя в гостях в любое удобное тебе время. – с кавказским акцентом, торжественно произнёс, показывая указательным пальцем в небо. – Рад был познакомиться с тобой. Пусть сам Всевышний услышит искренние слова джигитов. В веки веков! Амин!!!

– Амин! Амин! – повторили все присутствующие за мной, как подобает истинным кавказцем, показывая руками и глазами к небу, дотрагиваясь до лица руками. – Пусть будет так во все времена!

2. Осетрина.

По кавказским обычаям обменявшись приветствиями в шутку и в серьёз, мы направились к речке Сулак, где были маточники по разведению осетровой рыбы.

За всю свою последующую жизнь не видел ничего более примитивного по разведению осётров, как те маточники разведения осётров. Видимо у местных горцев переходил опыт из поколения в поколение, как разводить осётров.

Широкое устье реки Сулак к весне мелело так сильно, что в некоторых местах глубина реки не превышала десяти сантиметров. Местные жители, в данном случае рабочие рыболовного совхоза, перед нерестом осетровой рыбы, рыли глубокие траншеи вдоль устья реки.

Укрепляли стены траншей дёрном и сухими ветками чилижника, чтобы не омывались стены траншей речной водой. Природный инстинкт увлекал весной осётров из моря в устья реки, чтобы оставить икру в виде своего потомства.

Осетровые рыбы, словно торпеды, разгонялись с моря и на большой скорости проходили мелководье реки. Когда уставшая рыба доходила до искусственных траншей, то опускалась в траншеях на глубину отдохнуть перед метанием икры.

Дальше уплыть рыба не могла. В траншеях отдохнувшие осётры начинали творить естественные чудеса природы. Матки осетровые тёрлись о стены траншей, покрытые дёрном и ветками чилижника, выдавливая из себя чёрную икру,

которая тут же оплодотворялась самцами. Траншеи наполнялись чёрной икрой, из которой позже вылуплялись мальки осетровых рыб. Опустевших от икры погибающих маток вылавливали из траншей и употребляли мясо рыбы в пищу людям или на корм домашним животным.

Летом от сильной жары таяли в горах ледники. В это время от сильного испарения в горах Кавказа проходили частые дожди и грозы. Река Сулак наполнялась водой.

Бурный поток воды смывал из искусственных траншей оплодотворённую чёрную икру и зародившихся мальков осетровых рыб. Таким образом, местные жители помогали осётрам размножаться в естественной среде.

– Сергей! Сегодня нет смысла выходить тебе на дежурство к морю. – сказал Абдулл моему отцу, приглашая нас к столу на берегу реки Сулак. – Массовый нерест осётра начнётся только завтра. Мои люди были сегодня рано утром возле моря. Там всё чисто. Нет браконьеров и нет осётров.

– Абдулл! Ты так говоришь, словно знаешь расписание нереста осётров! – с удивлением, воскликнул мой отец. – Можно подумать, что осётры сообщают тебе, когда войдут в Сулак нереститься.

– Ничего тут странного нет! – отмахнувшись от моего отца, обычным тоном, сказал Абдулл. – Мы живём в устье этой реки в нескольких десятка поколений. Поэтому знаем о реке все её причуды.

За день до полного штиля на море. Возле мелководья

между рекой и морем, на глубине морского залива собираются стаи осетровых рыб. Ты завтра сам увидишь, как при полном штиле в морском заливе бурлит вода от огромной стаи осётров и севрюг.

Когда осётрам и севрюгам становится слишком тесно на глубине морского залива. Тогда косяк осётров и севрюг уходит дальше в море. Далеко в море осётры и севрюги разгоняются для штурма мелководья реки, чтобы уйти на нерест.

Отец долго за завтраком обсуждал с директором рыболовного совхоза проблемы охоты и рыболовства в прикаспийской низменности. Местные жители в основном ни охотники, а рыбаки.

Поэтому отец лишь вскользь вспомнил несколько баек про охотников. В основном оба больше говорили о рыбной ловле, а также о разведении осетровых рыб в маточниках рыболовецкого совхоза.

Мне было неинтересно слушать разговор между отцом и директором рыболовецкого совхоза. Хотел было взять свою удочку и направиться к речке. Но любопытные местные пацаны с ухмылкой рассматривали мои рыбацкие снаряжения.

Не знал, как в этих местах ловят рыбу, поэтому решил не позориться с рыбалкой в этих местах.

Отправился к речке налегке. Посмотреть на воду. В этом месте Сулак был шириной больше километра.

Но воды в реке было «синичке по яички», как говорили терские казаки о глубине в речке Белка, которая протекает

рядом с Гудермесом и Старым хутором.

В нашей речке хоть по-собачьи можно купаться, а тут и по-лягушачьи не искупаешься. Только сандалии можно намочить. Наверно, местные пацаны купаются в море или в лужах?

– Эй! Кунак! Иди сюда! Посмотри, сколько у нас здесь осетровой рыбы водится. – закричали мне пацаны от глубоких траншей-маточников. – Такой рыбы у вас в городе нет, и никогда не будет.

– У нас в городе вообще никакой воды и рыбы нет. – ухмылкой, поправил высказывания местных пацанов, разглядывая осётров в маточнике. – Зато в пресных заливах у нас водится всё, что есть в Каспийском море и в реках, впадающих в Каспийское море. Недавно с дядей Витей ловил угрей.

– Такой рыбы вообще в природе нет! – ехидно улыбаясь, прервал мой рассказ плешивый пацан.

– Много ты знаешь! – смеясь, возразил ему. – Дальше своего аула никуда не ездил. Мой дядя в советской армии в Германии служил. Когда поймал первого угря и принял его за неизвестную змею, то дядя Витя сказал мне, что это такой вид рыбы, которая живёт в океане, а нерестится в реках.

– Ну, ты заливаешь?! – закричал здоровый пацан, показывая на меня пальцем. – Ври больше! Откуда у вас океанские угри, если Каспий не граничит с океаном, и речки рядом с вашим городом нет.

– Ничего не вру! – закричал, на здоровенного пацана. –

О нашей рыбалке на угрей знает весь город. Даже в газетах писали про нашу рыбалку на угрей. Ты здесь хоть газеты читать можешь?

– Да даже книги читаю вот такие большие! – как рыбак показывает величину пойманной рыбы, развёл руки здоровенный пацан. – Так что нечего нам врать про свою рыбалку на рыбу угрей.

– Ничего не вру! – разозлился на здорового пацана. – Это ты врёшь про книги. Таких книг вообще не существует на всём белом свете. У нас в Старом хуторе имеется целая библиотека.

– Чего?! Чего?! В каком Старом хуторе? – пошёл на меня, здоровенный пацан. – Ты сам сопливый!

– Ну, ты меня достал! – окончательно разозлился. – Не посмотрю, что здоровый. Врежу по роже!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.